

EUROCON 2008

УБИТЬ ЧУЖОГО

ВАСИЛЬЕВ ГОЛОВАЧЕВ ГРОМОВ ДИВОВ
ЗОЛОТНИКОВ ЗОРИЧ КАГАНОВ ЛАЗАРЧУК
ЛУКИН ЛУКЬЯНЕНКО МИХАЙЛОВ
ПАНОВ ПЕХОВ

ТОЛЬКО
НОВЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Eurocon

Олег ДИВОВ

**Eurocon 2008. Убить
Чужого (сборник)**

«ЭКСМО»

2008

Дивов О. И.

Eurocon 2008. Убить Чужого (сборник) / О. И. Дивов — «Эксмо»,
2008 — (Eurocon)

ISBN 978-5-699-27497-0

«Еврокон» – традиционная конференция профессионалов и любителей фантастики всей Европы. В 2008 году этот престижный форум впервые пройдет в России. Тринадцать самых популярных русских фантастов приняли предложение участвовать в проекте, посвященном этому уникальному событию. Сначала каждый из них написал рассказ на любимую читателями тему – «Убить Чужого». После чего создал отповедь одному из ксенофобских текстов, со всей толерантностью пытаясь «Спасти Чужого». В результате творческого соревнования авторов появился двухтомник, одну из книг которого мы предлагаем вашему вниманию.

ISBN 978-5-699-27497-0

© Дивов О. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Бремя русского фантаста	5
Леонид Каганов	7
Олег Дивов	28
Евгений Лукин	56
Ира Андронати, Андрей Лазарчук	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Eurocon 2008. УБИТЬ ЧУЖОГО

(сборник)

Бремя русского фантаста

(от составителя)

1

Придайте твердость камня
Всем сказанным словам,
Отдайте им все то, что
Служило б с пользой вам ¹.

Россия: взгляд из-за рубежа. Страна нефти и газа, балета и спорта высших достижений, классической литературы и... современной фантастики. Правда, наши старания помочь старушке-Европе не замерзнуть в грядущий ледниковый период видятся просвещенным бюргерам лишь попыткой узурпации энергетической власти, а победы спортсменов затмеваются чередой допинговых скандалов и слухов о договорных матчах.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда». Хотя... почему нет? Так, современные российские фантасты смогли перебросить мосты между этими разновекторными социумами с невиданным доселе успехом. Делая это коллективно и бессознательно. Последние несколько лет произведения наших фантастов возглавляют списки книжных бестселлеров – не только фантастики, но и литературы в целом – во многих европейских странах. Причем происходит это не только в Восточной Европе, где интерес к России сохранился, несмотря на политическую конъюнктуру, но и в Западной (Германия, Швеция), где англо-американскую фантастику до нынешнего времени не мог потеснить никто и никогда.

Можно с уверенностью заявить, что формированием позитивного образа России за рубежом реально занимаются только фантасты. И делают это не участвуя в пиар-компаниях, организованных на бюджетные деньги, а лишь естественным образом перенося свои мысли и чувства на бумагу.

2

И пусть никто не ждет
Ни лавров, ни наград,
Но знайте, день придет —
От равных вам дождетесь
Вы мудрого суда...

XXI век в европейской фантастике можно смело назвать Русским Веком. Начиная с двухтысячного года авторы, пишущие и издающиеся преимущественно на русском языке, четыре-

¹ Здесь и далее отрывки из стихотворения Р. Киплинга «Бремя белого человека».

жды подряд (!) завоевывали звание Лучший фантаст Европы. Это Сергей Лукьяненко (2003 г.), Ник Перумов (2004 г.), Марина и Сергей Дяченко (2005 г.), Генри Лайон Олди ² (2006 г.). Достаточно сказать, что за все предыдущие годы – а вручается подобный приз с 1972 г. – его лауреатами из отечественных авторов становились лишь братья Стругацкие.

Достижения в европейской фантастике отмечает Европейское Общество Научной Фантастики (European Science Fiction Society, ESFS). Награждение происходит на конференциях Еврокон, проводящихся, как правило, ежегодно. В настоящий момент Еврокон представляет собой наиболее значимое в Европе событие в области фантастики, в котором на радость многотысячной армии любителей жанра почитают за честь принять участие самые известные писатели, авторы наиболее популярных романов.

Тем отраднее, что в 2008 году Россия получила право провести у себя этот престижный форум, который пройдет в тридцатый, юбилейный, раз.

3

И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите...

Пятьдесят лет назад Иван Ефремов написал повесть «Сердце змеи» – историю о дружеской встрече в космическом пространстве кораблей различных цивилизаций. Сейчас немногие помнят, но эту повесть советский классик противопоставил рассказу американца Мюррея Лейнстера «Первый контакт», сюжетобразующая идея которого состоит в том, что экипажи столкнувшихся нос к носу звездолетов только и думают, как бы обмануть или уничтожить друг друга.

Неудивительно, что ось «толерантность vs ксенофобия» стала темой проекта, посвященного проведению «Еврокона-2008» в Москве. Когда, если не сейчас, российским фантастам следует сказать свое слово, чтоб его услышал не только свой, но и европейский читатель?

Суть проекта состоит в том, что тринадцать самых популярных фантастов России для начала пишут, словно Мюррей Лейнстер, произведения на тему «Убить Чужого». После чего, уподобившись уже Ивану Антоновичу, каждый создает отповедь одному из ксенофобских текстов, со всей толерантностью пытаясь «Спасти Чужого» ³. Ответ звучит в той манере, которая наиболее близка тому или иному автору. Никто не имеет права загонять художника в прокрустово ложе идеологии, философии и, тем более, сюжета.

В результате уникального творческого соревнования появился двухтомник, одну из книг которого Вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках. Безусловно, для полного проникновения в замысел проекта следует прочитать оба тома, но и каждый в отдельности вполне самодостаточен.

В заключение хотелось бы отметить, что проект «Еврокон-2008» является межиздательским. Что характерно, и в этом случае объединить усилия двум извечным конкурентам помогла фантастика. Российская.

Думаете, мир спасет красота? Отнюдь.

Андрей Синицын

² Г. Л. Олди и М. и С. Дяченко номинировались от Украины.

³ На взаимосвязь рассказов указывают сноски в начале каждого текста.

Леонид Каганов

Чоза грибы ⁴

Так бывает. Идет жизнь гладко и ровно – день-ночь, суббота-понедельник, план там всякий, график. Катится жизнь вперед, словно автомобиль по шоссе. Смотри себе по сторонам, столбы километровые отсчитывай. И сколько бы ты ни проехал – хоть сто километров, хоть двести, – все идет гладко и одинаково. Ты едешь, рядом – тоже едут. Мелькают поселки одинаковые, бабка на обочине продает картошку в ведрах – одна и та же бабка, и даже ведро вроде одного цвета. Хотя на такой скорости толком не рассмотреть. А потом шоссе вдруг кончится, надо свернуть куда-то, и вот тут уже начинаются приключения через каждый метр, тебя швыряет туда-сюда, ты только прыгаешь и бьешься головой о крышу.

Поэтому, если меня спросят, как я жил последний год, я ничего не смогу рассказать. Чего рассказывать-то? Ну, жил как-то. План там, график. Интернет, будь он проклят. Выходные – посидеть в баре, пивка попить. Потом стало хуже – все сроки давно прошли, заказчики штрафами грозят, а недоделок куча. И уже не до пива. А потом – сдали проект. И ровно на следующий день началось такое... Такое, что я до сих пор не могу понять, со мной это происходит или нет. Казалось, с тех пор, как мы свернули с шоссе, прошла целая вечность – длиннее, чем весь последний год. Хотя на самом деле прошли всего сутки. Но за эти сутки меня так носило и швыряло и столько всего произошло, что теперь я сижу в отделении милиции не пойми какого села, и главное – не пойму, за что. Единственное приятно – наладонник мой не отобрали. И вообще не обыскивали. Менты спросили только, есть ли мобильник. Ну я и ответил, что мобильника нет. Это же не мобильник, верно? Мобильник – это такая маленькая фигулька с цифрами-кнопочками. А у меня – здоровенный наладонник, смартфон. Считаю, маленький компьютер.

Поэтому я подошел к окошку с решеткой и положил наладонник поближе к свету, чтобы видел спутники. GPS – великая штука, через минуту наладонник все спутники нашел, я уже знал свои координаты. Карту этих мест я залил перед поездкой свежую, подробную. Красная стрелка на экране точно указывала в поселок под названием то ли Лукарينو, то ли Лукошино. Я не стал вчитываться – стрелка все время крутилась на месте, будто я ходил туда-сюда по камере. До реки Медведицы отсюда – двадцать с лишним километров. Ну да, примерно полчаса нас везли менты по кочкам и оврагам. Но интернет в этом Лукошино был. Я мстительно отправил в блог короткое сообщение о том, где нахожусь и что со мной происходит. А затем принялся читать почту.

Мне никогда не приходило столько комментариев. Лента все не кончалась. Казалось, наладонник скрипит в руке, всеми своими силенками выжимая из окружающего пространства жалкие обрывки интернета, неведь каким ветром занесенные в эту замобильную глушь. Писали в основном незнакомые, и больше всего было ответов в духе «гы, фотожаба», «жжжж, крутой развод!», «фотки отстой, автор, рисуй смешнее!». Было очень обидно. Я и не умею вашим Фотошопом пользоваться. Не верите – идите к черту. На миг показалось, что в коридоре раздался шорох, и я быстро спрятал наладонник под матрас. Но шорох не повторился. Я опять достал наладонник и продолжил. Никогда такого не было, чтобы в мой блог забралось столько зевак. Откуда они все? Затем я обнаружил пару писем от журналистов и понял, что произошло. Посадку, оказывается, вчера официально зафиксировали, и сообщение проскочило в интер-

⁴ Взаимосвязан с повестью Александра Зорича «Броненосец инженера Песа». См. сборник «Спасти Чужого».

нет-новостях. А журналисты раскопали мой блог с фотками и дали ссылку. Вот толпа зевак ко мне и повалила.

Я полез смотреть, что вообще говорят в интернете про посадку, но вдруг наткнулся на длинную статью какого-то профессора про контакт, и неожиданно погрузился в чтение. Потому что, черт побери, я был абсолютно с профессором согласен.

С давних времен, мечтая о контакте с инопланетянами, мы боялись, что они окажутся сильнее, злее и аморальнее нас. Мы боялись, что рост их будет огромен, мускулы невыразимо страшны, контуры плоти омерзительны для человеческого глаза, а оружие и техника совершенны. Мы боялись, что парапсихологические и магические умения позволят им на расстоянии проникать в наши мысли и подчинять нашу волю своим приказам. Лишь одного мы никогда не боялись – что пришельцы окажутся попросту умнее нас. Мы почему-то были абсолютно уверены, что наш интеллект является пределом развития и превзойти умственный потенциал человека невозможно.

Случившееся сегодня на реке Медведица показало: инопланетный разум на порядок превосходит разум любого человеческого гения. Наша наука пока не располагает данными, чтобы ответить на вопрос, как они достигли такой мощи – развилась их нервная система в ходе природной эволюции либо они научились усиливать мощь разума, интегрировав его с вычислительной техникой. Для нас в данном случае это не имеет никакого значения.

От технической мощи пришельцев говорит хотя бы сам факт, что они сумели построить летательный аппарат и посадить его на нашу планету. Это означает, что их разум никак не слабее нашего. С другой стороны, это и не свидетельство интеллектуального превосходства – ведь у нас тоже развивается космонавтика, мы тоже в отдаленном будущем научимся строить подобный транспорт. Об интеллектуальном превосходстве свидетельствует другое. Мы пока не в состоянии дать оценку, насколько силен разум пришельца, – хотя бы потому, что у нас нет возможности измерить то, что превосходит наше понимание. Не говоря уже о том, что у нас нет возможности выйти на контакт и провести исследование. В нашем распоряжении сегодня лишь косвенные признаки. Но даже по косвенным признакам, которые сообщили нам участники контакта, мы не можем отрицать очевидные факты:

1. У пришельца феноменальная память. Он не забывает никогда и ничего. Он помнит каждое ваше слово, каждую интонацию, каждое изменение мимики, которое часто ускользает от человеческого глаза. Но он фиксирует все это не как видеокамера, а подвергает тщательному анализу, обучаясь с огромной скоростью. Вполне вероятно, что вскоре он, подобно психологу, научится по глазам, мимике и интонациям читать за произносимыми фразами подлинные желания, а за шаблонными оборотами речи угадывать скрытый ход истинных мыслей и ассоциаций.

2. Пришелец не нуждается в сне. Его мозг (или то, что его заменяет) работает двадцать четыре часа в сутки. Это само по себе не великое преимущество, однако говорит о том, что его мозг работает в более совершенном режиме, чем человеческий.

3. Пришелец способен решать разные задачи одновременно, например, вести диалог с неограниченным числом собеседников сразу. Участники контакта свидетельствуют, что пришелец произносил фразы одновременно, обращаясь к четырем разным людям. Кто знает, может, он способен говорить одновременно и с миллионами?

4. Во время диалога все паузы принадлежали представителям нашей планеты: пришелец реагировал мгновенно, не требуя времени на осмысление и размышление. Это означает, что скорость его мысли превосходит нашу.

Как мы видим, даже по этим скудным признакам можно сделать вывод, что мы столкнулись с разумом, который сильнее человеческого во много раз. Логично предположить, что мы для него являемся чем-то вроде стада животных, чьи реакции – страх, гнев, голод, любопытство – просты и предсказуемы, понятны и контролируемы. Вряд ли он испытывает к нам презрение – мы же не испытываем презрения к животным, напротив, умиляемся и восхищаемся их красотой. Однако едва ли пришелец остался доволен качеством и информационной скоростью контакта, поэтому логично предположить, что он не станет повторять попытку живого общения, а продолжит взаимодействие каким-то иным способом. Каким же? Как он поведет себя с нами? Как воспользуется своим интеллектуальным преимуществом? Станет ли направлять человеческое стадо в своих интересах и каковы они, его интересы? Этого мы пока не знаем, но уверен, узнаем в ближайшие дни.

Мы привыкли заканчивать подобные патетические абзацы словами в духе «теперь все зависит от нас, земляне». Но, как это ни прискорбно, нам остается констатировать, что от нас ничего не зависит, и мы никак не способны влиять на его поведение и предсказывать его решения.

Зато не сложно предсказать, как поведет себя наше общество. Пройдет пара дней, пока слух о контакте распространится, хотя поначалу будет воспринят как народная сплетня. Но военные структуры не могли не зафиксировать посадку. Поэтому логично предположить, что органы внутренних дел, не дожидаясь развития журналистской шумихи, примут самые активные меры, пытаясь взять ситуацию под свой контроль и доложить об этом руководству. Скорее всего участники контакта окажутся оперативно задержаны для допросов и обследований местной милицией по звонку из центра. Вряд ли местная милиция будет в курсе подробностей, поэтому отработает по инструкции – причину задержанным объяснить откажется, но проведет несколько допросов, чтобы отчитаться перед начальством. После чего задержанных доставят в столицу настолько поспешно, насколько важной обозначится ситуация.

С этого момента начнется противоборство между частными средствами массовой информации и государственными структурами, которые захотят любыми средствами монополизировать контакт и минимизировать утечку информации. Сделать это теперь сложно, поскольку первоначальная утечка информации оказалась обширной: один из участников сразу после окончания контакта опубликовал в своем интернет-блоге красочный мобильный фототчет и точные географические координаты места посадки: 57,196991 градуса северной широты, 37,383820 градуса восточной долготы, 112 метров над уровнем моря. Можно не сомневаться, что это место уже оцеплено местными военными гарнизонами по приказу центрального штаба.

Что будет дальше? Если пришелец выберет тактику молчания, то в отсутствие официального источника информации наша масс-медийная машина неизбежно начнет порождать нескончаемые потоки бредовых домыслов и публичных заявлений, сделанных совершенно некомпетентными лицами. Этим информационным вакуумом пришелец может эффективно воспользоваться в своих целях. Вполне возможно, что втайне диктовать свою волю через общественные механизмы ему окажется легче, чем открыто контактировать с неповоротливыми и тревожными государственными структурами.

*Доктор Эрнест Пиколь,
профессор социологии и политологии, профессор Сорбонны,*

россиянин французского происхождения, живущий в России

* * *

Теперь мне стало понятно многое. Я как раз дочитал статью до конца, когда в коридоре послышался размеренный топот. Захлопнув наладонник, я бросил его в карман куртки. Ключ гулко ударил в железную дверь и грохнул, поворачиваясь. Конвойные за ночь сменились, эти еще больше напоминали деревенских гопников.

– На выход, к следователю, с вещами, – сухо объявил один из них.

Я поднялся, неторопливо зашнуровал кроссовки, взял куртку, накинул её на плечи и шагнул к двери.

Следователь оказался прежним. Я не помнил его фамилию, но в наладоннике где-то было записано на всякий случай. Конвойные козырнули и вышли. Я сел на стул в центре комнаты и начал оглядываться. Смотреть было не на что в этом потрепанном кабинете. Следователь раскрыл перед собой папку и деловито провел ручкой по строкам.

– Фамилия, имя, отчество? Год и место рождения?

– Такие же, как и вчера, – сухо ответил я.

– Повторяю: фамилия, имя, отчество, год и место рождения?

– Повторяю: перепишите из вчерашнего протокола.

Следователь отложил ручку, пружинисто вышел из-за стола и направился ко мне. Я понял, что перегнул палку, и теперь он меня будет бить. Но отступать было поздно. Он остановился передо мной – крепкий и коренастый. Ростом следователь оказался невелик, я был на полголовы выше. Поэтому он принялся угрожающе покачиваться передо мной на каблучках. Руки он поднял перед грудью, словно приняв стойку, и начал пощелкивать костяшками, задумчиво разминая их. На пальцах правой руки было выколото: «д.и.м.а».

– Ты чё, сука, не понял, где находишься? Те чё, почки жмут? – произнес он.

И я бы, наверно, испугался, как испугался вчера. Но сейчас перед глазами стояло письмо профессора Пиколя, поэтому я поднялся и смело глянул на него.

– Отставить, – произнес я внушительно, изумляясь самому себе. – Ты вообще хорошо понимаешь, кто я? Тебе чего приказано было? Под любым предлогом задержать меня с друзьями до приезда начальства из Москвы. И обеспечить нам условия! Если узнают, что ты на меня орал, не кормил, если ты посмеешь меня ударить – пойдешь под суд. А если прищельцы узнают, что меня арестовали, они тебя вместе с твоей ментовкой грохнут ядерным лучом, понял?

По его округлившимся глазам стало понятно, что о прищельцах он ничего не слышал. Но в остальном я, похоже, угадал: мои слова произвели небывалое действие. Дима потупился, спрятал свои кулаки, вернулся за стол и некоторое время молчал. В кабинете стояла адская тишина, какая бывает лишь в очень далеких поселках. Лишь где-то за горизонтом чирикал далекий вертолет.

– Я ж для протокола спрашиваю, работа такая, – буркнул он. – А вы отвечать отказываетесь...

– Почему отказываюсь? Спрашивайте, – кивнул я.

– Кем работаете? – спросил следователь, подумав.

– Инженер-постановщик задач.

– Инженер-постановщик? – переспросил следователь, и его брови недоверчиво дернулись. – В театре, что ли?

Ответить я не успел – клочкотание вертолета к тому моменту стремительно приблизилось и вломилось в решетчатое окно вместе с ветром. Рев был такой сильный, что если бы я начал

кричать, то сам бы не услышал голоса. Затем гул резко стих, и вскоре в кабинет вошли двое в штатском.

Следователя Диму кивком попросили выйти и подошли ко мне.

– Роман? – начал один. – Я не буду тебе рассказывать сказки, а перейду прямо к делу. – Он начал деловито загибать пальцы. – Я из столицы. Приехал за тобой. Это мы вчера попросили местных, чтоб вы у них переночевали, извини, выхода не было, мало ли что... Ты ни в коем случае не арестован, просто ты сейчас один из самых важных свидетелей контакта. От того, согласишься ты помочь, может, зависит будущее страны. – Он помолчал. – Ты понимаешь, наша страна первой запустила спутник. Наш человек первым полетел в космос. Наши люди первыми вышли в открытый космос. И теперь наша страна первая устанавливает контакт с иноземным разумом! Это очень важно. Поэтому просим тебя поехать с нами, вертолет ждет...

– Выбора у меня нет, я так понял?

Он уклончиво покачал головой:

– Ты не арестован. Но нас ждет серьезная работа. Твои друзья тоже согласились нам помочь.

– Я их могу увидеть?

– Конечно, они уже сидят в вертолете. Я вас только попрошу пока не общаться: наши психологи хотят поговорить с каждым отдельно, чтобы показания были самыми точными, понимаешь?

– А мне хоть позвонить дадут? – спросил я.

Честно говоря, звонить мне было не нужно, это я так сказал, из принципа. Но он тут же протянул мне свой мобильник и махнул рукой, давая понять, что надо спешить и звонить я могу на ходу.

Подумав, я набрал мамин номер, и пока мы шли через двор к вертолету, кратко сообщил, что со мной все нормально, просто задерживаемся на даче. Но мама уже знала о прищельце и очень волновалась. Маруся ей, что ли, прочла мои вчерашние письма? Я успокоил ее как мог и побыстрее закончил разговор, пообещав, что скоро будем в Москве.

В Москве ли мы оказались или нет – этого я не знал. Бетонные корпуса и парк – то ли больница, то ли воинская часть. Впрочем, в парк нас не выпускали и вообще пообщаться не дали – сразу развели в разные коридоры, и я попал на допрос. Или беседу? Здесь моими слушателями были сразу трое: толстяк в погонах, бородач в белом халате и пожилая женщина, тоже в белом халате. Вопросы задавала она. А я отвечал.

– Мы приехали вчетвером: я, два моих друга, с которыми вместе работаем, и Лидка, жена одного из них. Сдали проект и устроили себе отгул. Сели в машину, поехали на реку Медведица, на дачу. Там взяли удочки и пошли к реке. Расположились у реки, помидорчиков нарежали, пиво открыли. Лидка загорать легла. В небе ничего не видели. Слышали в лесу грохот, но не обратили внимания. Потом выползла из леса коробка, длинная, типа как от холодильника, но поменьше.

– Выползла или вышла? – быстро переспросила она.

– Не знаю, я на поплавок смотрел. Обернулся на шум, вижу – в кустах стоит коробка. И тут коробка произнесла: «И у нас есть первый звоночек, здравствуйте».

Я умолк, понимая, как бредово все это звучит.

– Продолжайте, мы внимательно слушаем. Именно «И у нас есть первый звоночек, здравствуйте»?

– Да.

– Во вчерашнем протоколе написано: «у нас», а теперь вы говорите «и у нас».

– Ну да, «у нас», «и у нас», «а у нас» – что-то типа такого.

– Роман, – женщина подняла палец, – это очень важно, постарайтесь вспомнить.

- Да какая разница? – удивился я.
- Разница очень большая. От этого зависит, какую радиостанцию и в какое время он подслушал.
- Думаете, это с радио? – Я с сомнением покачал головой.
- Он выбрал фразу, которой, по его мнению, принято начинать диалог. Я задумчиво почесал в затылке. А ведь действительно...
- Голос был ровный, без акцента? – продолжала она.
- Без акцента. Нормальный человеческий голос.
- Толстяк в погонах задумчиво пометил что-то в блокноте.
- Хорошо, что было дальше? О чем вы подумали?
- Ну, мы подумали, деревенские шутят, залезли в коробку. Как бы чего не сперли...
- Что вы ему ответили? Кто из вас ответил?
- Я снова почесал в затылке.
- Честно сказать, не помню. Кто-то из нас сказал что-то. Вроде «ты кто». Или «кто здесь».
- Что было дальше?
- Да! Юрик сказал: «Чё за фигня?» А он тут же выпалил: «Позвольте представить нашего сегодняшнего гостя». И замолчал. Типа представил.
- Откуда шел звук?
- Из коробки.
- Ничего при этом не открывалось, никаких отверстий?
- Я помотал головой.
- Опишите коробку, – попросила она.
- Ну... Похожа на картонную по цвету. Без надписей. Только не картонная.
- Почему не картонная? Вы ее трогали?
- Нет. Но мне кажется, это не картон.
- Почему?
- Не знаю.
- Так что за материал?
- Не знаю.
- Пластик?
- Я молча помотал головой. Ну откуда я знаю, в самом деле? Не трогал же я его.
- Хорошо, Роман, что было дальше?
- Я точно не помню. Ну... завязалась беседа. Мы уже поняли, что это не шутка, а что-то непонятное. Отвечал он очень быстро. Говорил поначалу отрывистыми фразами. Спросил пару раз голосом Юрика «Чё за фигня?». Спросил женским голосом «Как вас представить?». Ну, мы назвали имена, а дальше пошло легче.
- Насколько быстро он говорил?
- Слова произносил медленно и разборчиво. А вот отвечал моментально, не задумываясь. Говорил все увереннее и точнее... Ну, словно десять словарей успевал пролистать между фразами. Стал обращаться к каждому по имени и вел одновременно несколько разговоров, я не успевал следить, что он говорит остальным.
- Как же вы узнавали, к кому он обращается?
- Не знаю... – растерялся я. – Как-то узнавали, он то по имени называл, то интонацией показывал...
- Толстяк в погонах снова что-то пометил в блокноте.
- О чем он спрашивал? О чем рассказывал?
- Сказал, что он космический пришелец.
- Это он так сказал – «космический пришелец»? Или вы его так назвали?

– Он. Я, говорит, космический пришелец. Прилетел на нашу планету из далекого космоса. Потом спрашивал всякие глупости.

– Что именно?

– Меня спрашивал, сколько мне лет, есть ли у меня дети, кем работаю и доволен ли работой.

– Он рассказывал, откуда прилетел?

– Из далекого космоса. Больше ничего не говорил.

– А что собирается делать, рассказывал?

– Нет. – Я помотал головой. – Он вообще не рассказывал, он спрашивал. В какой-то момент спросил, что имеет смысл посмотреть в Москве. Но я не думаю, что он всерьез туда собирался.

– Почему? – спросила женщина.

– Ну... – Я задумался. – Это было похоже на урок языка, как туристов учат. Типа, расскажите о достопримечательностях. Я как-то не представляю, чтобы эта коробка всерьез собралась ходить по музеям...

– Ясно. Какие еще были вопросы?

– Ну, сначала вопросы были простые, потом все сложнее. Все вместе длилось минут десять, не больше. Он спрашивал, что такое сон. Как снятся сны и что ты чувствуешь. Может ли человек не спать вообще, что будет с ним из-за этого. Потом спросил, какой смысл игры в бильярд. Я рассказал. А потом – спросил, что такое чувство юмора. Я не смог ему ответить, что такое чувство юмора. Тогда он прекратил со мной разговаривать и спросил у остальных, что такое чувство юмора. Ну, мы попытались объяснить, типа, это когда неожиданный ход, когда абсурдная ситуация, когда смешной ответ, когда смешно, короче. Он опять: что такое смешно? Если над кем-то подшутили, выходит, его обманули, подшутить – это смешно? Лидка говорит: смешно – это вроде щекотки, только когда не щекотят. Он сказал: спасибо, всего доброго. И стал двигаться в лес.

– Всего доброго или до встречи, до свидания? Или прощайте?

Я покачал головой.

– Про новую встречу он ничего не говорил. Но и «прощайте» тоже не произнес. Он уже к тому моменту отлично владел языком.

– Хорошо. Он пополз в лес. Как он двигался?

– Просто как коробка. Полз. Плавно. Словно коробку на шнуре тянули, только шнура не было. Мы за ним. Он быстрее. Мы бегом. И вышли к этому его черному конусу. Он в нем исчез, и всё. А я достал наладонник и начал шелкать конус со всех сторон, пока Юра не сказал, что тут может быть радиация. Тогда мы ушли.

– Его, то есть коробку эту, вы сфотографировать не догадались, только сам корабль?

– Нет, он нас как-то разговором отвлек... Знаешь, когда собеседник без паузы с тобой говорит, такое ощущение, будто ты на скорость отвечаешь... Подумал, ответил, не успел вздохнуть, а он тебе бац – и новый вопрос. Надо было, конечно, фотку сделать, но я не догадался. И не думал, что он так быстро уйдет.

– Как он ушел в свой черный конус? Там люк открылся или что?

– Мы не заметили. Может, поднырнул как-нибудь. Там трава высокая, да и двигался он быстро, мы отстали.

– Последний вопрос: сколько времени прошло между грохотом в лесу и появлением коробки?

Я задумался.

– Трудно сказать. Не десять минут, а побольше. Но и не час. Минут тридцать, наверно.

Женщина кивнула. Бородач в халате по-школьному вытянул руку и козлиным голосом произнес:

– У меня два вопроса. Во-первых, откуда известно, что пришелец один?

Я пожал плечами.

– Мы говорили с коробкой. Может, это не пришелец и не скафандр, а просто выносной микрофон. Но коробка называла себя «Я». И в мужском роде. Типа «я прилетел».

– Спасибо, – кивнул бородач. – И второе: откуда информация, что это пришелец?

Я открыл было рот, чтобы снова повторить, что это он сам так сказал, как неожиданно за меня ответил толстяк в погонах:

– Тарелка-то есть и до сих пор там стоит. Штука неземная, факт.

Женщина в халате вскинула руку:

– Роман, а теперь постарайтесь сосредоточиться, вспомнить весь разговор и сказать, пришелец вел себя дружелюбно или враждебно? Он пытался навязать что-то или просто расспрашивал?

Я помотал головой.

– Ничего враждебного он не говорил. Дружбы тоже не обещал. Нормально говорил. Просто спрашивал внимательно. Вот вы сейчас меня расспрашиваете – дружелюбно? Вот и он так же. У меня, кстати, к вам вопрос: прошли уже почти сутки, он за это время ни с кем, кроме нас, больше не пообщался, ничего не сделал?

Женщина повернулась к толстяку в погонах. Тот нехотя покачал головой:

– Нет. Но тарелка на прежнем месте.

Комнатка, где меня поселили, напоминала гостиничную, хотя запиралась снаружи на замок, и на окнах стояли решетки, несмотря на пятый этаж. Здесь был санузел, шкаф, тумбочка, покрытая белой скатеркой, и даже маленький телевизор. Его я немедленно включил, и он заработал. Я пощелкал каналами, но везде шла сплошная реклама. На одном канале дрались два известных депутата. Дрались скучно: сгорбившись, покраснев, крепко держали друг друга за локти, каждый пытался вырваться, и оба практически синхронно орали «Вы мерзавец!». Пиджаки скошенно топорщились на них, как латы средневековых рыцарей. Хрупкая ведущая тщетно пыталась их разнять. Я выключил телевизор и достал наладонник. Удивительно, но меня и здесь не обыскивали.

Комментариев в мой дневник навалилось столько, что я даже не стал их читать. Интернет тут ползал почему-то еще медленней, чем на реке Медведица. Я пробежался по крупным новостным сайтам, но там царил обычный мусор – шумно разводились в суде наши эстрадные звезды, падали акции какого-то Финпрома, в Египте перевернулся танкер, в Питере ограбили священника, но о пришельцах ничего не говорилось. Тогда я набрал слово «пришелец» в поисковике и, по счастью, наткнулся на новую статью профессора Пиколя.

Идут вторые сутки контакта, но, к сожалению, мало кто представляет масштабы опасности, нависшей над нами.

В нашем обществе все решения принимает социум, точнее, его верхушка. К сожалению, этот механизм сильно снижает и без того невысокий интеллектуальный потенциал человечества. Нам хотелось бы думать, что социум усиливает мощь человеческого разума, и это усиление прямо пропорционально количеству членов социума. Но такой зависимости нет. Более того – зависимость обратная. Если отдельный человек в силах принять решение оригинальное, то социум принимает решение коллегиальное, а значит, компромиссное. В таком решении делается попытка учесть интересы и мнения всех влиятельных сторон, поэтому чаще всего компромиссным является решение не предпринимать никаких действий или отложить принятие решения.

Ошибается каждый, кто считает, будто государства действуют коварно, разумно и планомерно, обманывая своих граждан. Социум не способен никого обмануть или перехитрить.

Достаточно взглянуть на историю человечества, как станет понятно, что интеллект любого государства, его осмысленное поведение находится на уровне пятилетнего ребенка. Государства веселятся и впадают в депрессию, бодрствуют и спят, обижаются и топают ножками, хвастаются и пытаются обратить на себя внимание, вступают в драку и отбирают у соседей понравившиеся игрушки, плачут и клянутся отомстить обидчикам, но в следующий миг забывают про слезы и снова радостно играют вместе. Если бы существовал способ каким-то образом измерить IQ любой страны, его величина соответствовала бы серьезной умственной отсталости.

Хорошей моделью нашего общества является толпа: разумно поведение каждого отдельного человека, пусть даже он глупец. Но поведение целой толпы руководствуется еще более примитивными инстинктами – паника, усталость, голод, любопытство, страх, гнев. Предсказывать и направлять поведение отдельного человека сложно, чего нельзя сказать о толпе. Толпой управлять легко, достаточно лишь чувствовать общее настроение и обладать рычагами воздействия.

Фактически мы сами выстроили для себя эту дыру в защите, причем с незапамятных времен. История человечества состоит сплошь из примеров, когда сообразительный и работоспособный человек, одержимый идеей, приходил к власти и на некоторое время создавал на пустом месте империю, вызывая общественные ураганы и проливая кровь миллионов: Чингиз-хан, Наполеон, Гитлер, Сталин – этот список можно продолжать, но во всех случаях в выигрыше оказывался тот, кто способен навязать обществу свои авторитарные решения, не считаясь с коллегиальным мнением, умеренным и бесформенным.

Человечество до сих пор не выработало механизма защиты своего общества. Нам не хватало лишь космического пришельца, который сумеет воспользоваться нашей слабостью в своих интересах. Каковы его интересы – я подчеркиваю, – мы ещё не знаем. Но инструментов давления на общественные решения – предостаточно. Информация об устройстве нашего общества – в открытом доступе. Современные СМИ и особенно неконтролируемый интернет позволяют влиять на общественное мнение анонимно и быстро.

Попробуем спрогнозировать дальнейшую ситуацию. Подчеркну: мы не знаем целей пришельца. Возможно, он желает заполучить в собственность наш благоустроенный шар космического базальта. Возможно, хочет стать императором и управлять нами. Возможно, его интересует торговля, и он хочет получить от нас предметы культуры, техники или какой-нибудь необходимый ему топливный ресурс. Быть может, интерес его чисто исследовательский, и он ставит над нами эксперименты. Так или иначе, но мы вправе сделать смелое предположение, что шаги его скорее всего будут следующими:

1) Фаза сбора информации. Затаившись, он начнет поглощать всю доступную информацию, разлитую в радиоэфире. Радио– и телепередачи, мобильные переговоры, интернет-пакеты – все, что разлито в пространстве и доступно, станет для пришельца предметом анализа. Впрочем, доступ этот двусторонний – никто не в силах технически помешать пришельцу отправлять и свою информацию в сети прямо с места посадки. Нам остается только надеяться, что сверхразум сумеет разобраться в этом океане информационного мусора и не составит о нашей цивилизации того превратного впечатления, какое можно получить, посмотрев, скажем, пару телевизионных шоу. Логично предположить, что на этой стадии он либо будет по мере сил избегать контакта, либо попытается установить ни к чему не обязывающий контакт с рядовыми обитателями планеты, чтобы отладить модели личного общения, известные ему пока лишь по эфирным передачам. Похоже, именно второй вариант мы наблюдали во вторник на реке Медведица. И, похоже, пришелец остался недоволен результатами контакта, а возможно, его не устраивает скорость живого информационного обмена.

2) Фаза действия. Вряд ли пришелец, обладающий сверхразумом, имея неудачный опыт контакта, воспользуется прямым диалогом с властью – это означает трату времени на бесконечные переговоры, в процессе которых власть неизбежно попытается оттянуть принятие решений, в то же время любыми способами вытягивая информацию и требуя расплатиться технологиями, в первую очередь военного и коммерческого значения. Ведь мы понимаем, что цена вопроса крайне высока. О цене вопроса следует сказать отдельно. Сейчас все страны земного шара находятся примерно в одинаковом экономическом положении, и даже отсталость стран третьего мира – это ничто по сравнению с той пропастью, которую перепрыгнет любое государство, получив в свои руки любые неземные технологии, особенно энергетические. Даже минимальный обмен технологиями способен дать отдельной стране и ее правящей верхушке мировое господство и финансовое изобилие неслыханного масштаба. Все мы прекрасно понимаем, что возникновение пришельца на нашей планете – это сейчас точка самого пристального экономического интереса, самого выгодного вложения капитала, самое перспективное местоорождение и самое прибыльное направление исследований. Если для фантазеров и обывателей пришелец лишь повод для шуток и сплетен, то для людей практичных и привыкших принимать решения это – проект. Проект, для разработки которого годятся любые средства.

Конечно, пришелец может воспользоваться разобщенностью нашего мира: форсировать официальные переговоры, вступая в диалог с правительствами сразу нескольких противостоящих стран и шантажируя возможностью поделиться стратегической информацией с конкурентом. Этот вариант для пришельца достаточно опасен, поскольку правительство страны, которая уже считает его своей собственностью, способно пойти на тот крайний шаг, который мы привыкли делать в отношении собственности, если есть риск, что она достанется врагу.

Безопаснее для пришельца, по-видимому, другой вариант: избегая официального контакта, воспользоваться свободными рычагами управления, чтобы так или иначе, напрямую или через посредников-людей (они могут не знать, от кого исходит заказ), получить от нашего общества все, что пришельцу необходимо. В этом смысле особую угрозу представляют те четверо, кто вступил в контакт. Нет никаких сомнений, что они окажутся изолированы и помещены под самый внимательный контроль.

3) Финальная фаза. В зависимости от своих целей пришелец либо воцарится на нашей планете, взяв ее под контроль, либо покинет ее. В любом случае он не станет хвастаться своей мощью и интеллектом, а сделает это тихо.

Что мы видим сегодня? Участники контакта исчезли из поля зрения журналистов – возможно, они погибли. Либо их скрывают от журналистов для их же безопасности. Общественное мнение крайне возбуждено ситуацией, и чем дольше длится неопределенность, тем больше растет озабоченность. Ситуация обострилась после сегодняшнего инцидента, когда группа государственных парламентариев, приблизившаяся к черному конусу, была отогнана шквалом огня. По крайней мере теперь нам ясно, что пришелец не желает контакта, и намерения его в отношении нас совершенно неясны. С точки зрения обывателя, у нас на Земле к существующим проблемам добавилась еще одна, не менее тревожная. Тем не менее многие по-прежнему связывают с пришельцем свои надежды, поэтому следует ожидать, что в район посадки ринутся ловить свой шанс самые разные политические партии, мечтатели и авантюристы, религиозные фанатики, неизлечимо больные раком, СПИДом и просто зеваки. Правительство будет вынуждено оцепить район контакта, но не сможет представить взамен никакой официальной информации, и это лишь усилит информационный вакуум. Чем же окажется заполнен информационный вакуум? Ответ на этот вопрос мы, увы, знаем. Он волей-неволей начнет заполняться информационным мусором самого разного уровня абсурдности.

Безотказные шестерни современных СМИ мигом вытащат на поверхность все, что смогут найти, – от всевозможных фриков до некомпетентных селебритиз, которые охотно начнут производить информационный хаос, не имеющий никакого отношения к реальному положению дел.

И если наша догадка насчет действий пришельца верна, если ему реально что-то нужно от человечества, то на фоне этого информационного вакуума и некомпетентного хаоса уже сегодня можно будет заметить признаки направленного воздействия пришельца на наш социум. Идея, которую примутся бездумно озвучивать многочисленные уста, не догадываясь о первоисточнике, – скорее всего она принадлежит пришельцу.

Я отложил наладонник. На этот раз статья профессора мне не показалась такой уж умной, скорее заумной. Или это я устал и не способен воспринимать статьи? Поспать, что ли, пока время есть? Но вместо этого я снова включил телевизор.

Вразумительную передачу я обнаружил только на каком-то канале с кружочком «ППЦ» в углу экрана – наверно, какой-то из районных. Здесь звучали жиденькие аплодисменты зала, а на экране стоял мужичонка в пенсне, одетый в неприлично обтягивающее трико камуфляжной раскраски с ремнями и пряжками. Руки его были призывно подняты вверх, и в одной зажат лист бумаги. Я решил, что это юморист или клоун, который закончил очередную репризу и сейчас продолжит, но мужичок опустил руки, поправил пенсне и произнес:

– Мы начинаем внеочередной выпуск программы «Огневой рубеж» с Владленом Леоновым! Сегодня тема нашей битвы мнений – посещение земли инопланетянами, которое началось недавно на реке Медведица всего в двухстах километрах от столицы!

Он снова поднял руки, и публика зааплодировала. Камера показала студию целиком: перед занавесом из маскировочной сетки располагался импровизированный окоп. Сделан он был слишком театрально – похоже, здесь сколотили две трибуны, а между ними повесили ткань, кинув туда ящик с пластиковыми снарядами и макет пулемета. По обе стороны окопа располагались строганные лавки, на каждой сидели по два человека в касках: по одну сторону окопа синие каски, по другую – красные. В целом ощущение оставалось дурацкое – как в театре на спектакле про войну.

На экране снова появился ведущий.

– Сегодня у нашего огневого рубежа борются представители самых разных точек зрения и профессий! Это знаменитый писатель-фантаст... – Ведущий осекся, посмотрел в сторону окопа, поправив пенсне, затем недоуменно глянул в лист бумаги и перевернул его на другую сторону: насколько мне удалось разглядеть, она оказалась чистой. – Так, – произнес он неожиданно скрипучим и будничным тоном. – А Лукьяненко к нам опять не пришел? Ну конечно, мы же только на Первый канал ходим, ага... И космонавта не вижу. Кто вообще эти люди? Где мои слова? Где Ангела, черт побери? – нервно вскрикнул он. – Ангела!!!

К ведущему торопливо подбежала толстая дама на длиннющих каблуках и что-то зашептала в ухо. Глаза ведущего нервно забегали.

– А предупредить можно было?! – Он бросил в удаляющуюся Анжелу убийственный взгляд, но в следующую секунду нарисовал на лице улыбку. – Как мне сейчас сообщили, в связи с актуальностью вчерашних событий мы ведем передачу непосредственно в прямом эфире. К сожалению, не все участники нашего интеллектуального сражения успели выйти к нашему огневому рубежу, но сражение состоится! Итак, огонь! Сейчас мы попросим участников битвы представиться и рассказать пару слов о себе и начнем с наших прекрасных дам... – Он махнул рукой.

На экране появилась рослая девица в мини и с меховым воротником на шее. Ее лицо, обожженное соляриями, казалось слегка знакомым, хотя прическу скрывала синяя каска. Актриса, что ли?

– Меня зовут Светлана Спасская, – промурлыкала она. – Я певица. Я автор дисков, концертов, и еще у меня вышла книга стихов... – Публика захлопала, камера подождала еще немного, но дама молчала.

– Спасибо, – поблагодарил ведущий.

На экране вдруг появилась девушка с другой лавки, и я, к своему изумлению, увидел мою сводную сестру Маруську.

– Меня зовут Марина Юсупова, – звонко сказала Маруська, встав со скамейки в полный рост. – Я учусь на первом курсе Педагогической академии. Люблю музыку и боулинг. – Своим обычным жестом Маруська попыталась откинуть ладошкой рыжую челку, но ладонь звонко стукнулась о каску. Выглядело это будто Маруська козырнула, и публика разразилась аплодисментами.

– Это вам посчастливилось вступить в контакт со звездными пришельцами? – уточнил ведущий.

– Нет, – с сожалением качнула головой Маруська. – В контакт вступил мой старший брат Роман с друзьями.

– Роман! – Ведущий взмахнул руками и оглянулся на ее спутника. – Это вы, да?

– Я не Роман, – обиженно ответил тот и для убедительности чуть отсел от Маруски, показывая, что он не с ней.

– Роман так и не вернулся домой, – объяснила Маруська.

– Их похитили?! – оживился ведущий. – Похитили инопланетяне?!

– Нет, он звонил, сказал, что работает с учеными, ну... рассказывает им всё.

– С учеными какими? Нашими или инопланетными? Вы уверены, что он не в плену у пришельцев? – Ведущий зловеще навис над ней.

– Ну... – растерялась Маруська, и мне почудилось, что она всерьез испугана. – Вчера он в интернете писал и фотки выкладывал, потом маме звонил...

– Из плена? – не унимался ведущий.

– Кажется, из милиции...

– При чем тут милиция? А где остальные участники контакта?

– Я не знаю... – Маруська совсем растерялась.

– Прекрасно! – заявил ведущий. – Участников контакта у нас нет, спасибо, Ангела. Итак, наш следующий боец... – Ведущий простер ладонь, и на экране снова появился тот, кого он принял за Романа.

Теперь я разглядел его. Боец был юн и толст, со следами легкого алкоголизма на неухоженном бородатом лице. Одет в затрапезный пиджачок, но держался гордо. Лицо его покрывали бисеринки пота – видно, в студии стояла жара, но пиджак он не снимал из принципа, а может, стеснялся линялой рубашки, лоскут которой неряшливо выбивался из-под пиджака.

– Я не Роман, – обиженно повторил он. – И уж точно не Сергей Лукьяненко. Лукьяненко я не люблю. И ни одна из книг Лукьяненко мне не нравится, сколько ни перечитывал. И фильм его мне не нравится, сколько ни пересматривал. А уж высказывания этого вашего Лукьяненко в интернете...

– Представьтесь, пожалуйста, нашим зрителям, – вежливо перебил ведущий.

– Меня зовут Мирослав Апожин, я писатель-фантаст. В ЖЖ – как еооубластер через дефис. У меня вышло в издательстве две книги, сейчас я их покажу, минуточку... – Толстяк засуетился и полез под лавку.

– Аплодисменты писателю! – воспользовался паузой ведущий и ловко перепрыгнул окоп, оказавшись у первой лавки. – А теперь наш главный гость, независимый эксперт, профессор футурологии и социологии с мировым именем, человек, который первым стал всерьез заниматься проблемой вчерашнего контакта, доктор Эрнест Пиколь.

– Меня зовут Михаил, я его вебмастер, – отозвался мускулистый парень в очках. – Доктор Пиколь сейчас в Париже, но я в курсе его работ и многое могу рассказать. Сейчас мы готовим сайт, посвященный контакту: прилетело точка ру.

Раздались аплодисменты и камера показала публику: в зале сидели молодые ребята и девушки одного возраста, словно из колледжа.

– Спасибо! – поблагодарил ведущий. – Итак, вы смотрите ток-шоу спорных мнений «Огневой рубеж»! И я его ведущий Владлен Леонов! – Он снова глянул в листок. – Участники контакта и авторитетные эксперты интернета утверждают, что пришельцы намного умнее нас. Возможно ли это? Как вы считаете?

– Глупость какая! – с чувством произнесла Светлана Спасская, и камера взяла ее лицо крупным планом.

– Аргументируйте! – задорно предложил Владлен.

– Нас создал Господь, – объяснила Светлана Спасская, – по своему образу и подобию. Он что ж, по-вашему, тупее пришельцев? Так что пришельцы не умнее нас, а глупее. Это... или как вот многие говорят, будто женщины глупее мужчин. А чем мы глупее? Чем? У женщин тоже свой ум! И мы не хуже! Вот я певица, но безумно, безумно люблю логарифмы! Еще со школы, с уроков информатики. – Она замолчала и гордо тряхнула головой в каске.

– Аплодисменты Светлане Спасской, которая любит логарифмы! – торжественно провозгласил ведущий, и зал захлопал. – А какие логарифмы вы любите? Натуральные?

– Что? – насторожилась певица и фыркнула. – Конечно, натуральные, скажете тоже...

– Так, – подытожил ведущий и повернулся к Михаилу. – Ну а что скажет наш эксперт, э-э-э... вебмастер?

– Доктор Пиколь, – отозвался Михаил, – считает, что пришелец умнее человека во много раз, и мы для него как бы стадо животных. Поэтому нам сложно понять его мотивы.

– Глупость какая! – возразила Светлана Спасская и назидательно подняла на маникюрный палец. – Мы просто не знаем логарифм его действий. У него же есть какой-то логарифм поведения, правда же? Мы просто его не смогли пока разгадать.

Ведущий согласно покивал.

– И вообще, – продолжила Светлана, – вы, конечно, извините меня, но я эту штуку сниму. И она стянула с головы каску.

– Наша бесстрашная дама, – поморщился ведущий, – готова идти в бой без защиты! Аплодисменты!

Вильнув задом, он снова перепрыгнул окоп:

– Спасибо, и теперь слово вашим противникам на другой стороне нашего огневого рубежа! – провозгласил он. – Итак, огонь! Э-э-э... вы, девушка, как считаете?

– Уже можно говорить? – робко спросила Маруська, ведущий кивнул, и она быстро начала: – Я точно не помню, но, кажется, мой брат писал вчера в свой дневник по интернету, что пришельцы разговаривали вроде очень быстро. Ну типа тараторили. Я тоже могу тараторить, и каждый может, и чего тут такого?

– Спасибо за мнение! – кивнул ведущий. – Ну а что об этом думает наша фантастика?

– Фантастика думает, что пришельцев надо убивать, – заявил Мирослав Апожин. В руках у него уже были две пестрые книжки, он всё пытался показать их в камеру, но как-то неловко, казалось, будто он ими заслоняется от невидимого врага. – Наши предки уничтожили неандертальцев. Конкистадоры перебили индейцев. Это естественный отбор. Две разумные расы не могут существовать рядом, сильная всегда уничтожит слабую. И я не хочу, чтобы моя раса оказалась слабой. Вспомним «Войну миров» Уэлса, когда пришельцев не убили сразу, а они выползли и уничтожили землян. Или вот у Стругацких был «Жук в муравейнике», когда спецназ в конце убил иноземного лазутчика просто так, на всякий случай, потому что нельзя рисковать человечеством. И авторы не осуждают этот поступок, потому что это разумно и есте-

ственно. А вспомните, сколько написано книг про нашествие иноземных захватчиков, про чудовищ, гибель человечества и космические войны? А фильм «Хищник»? А «День независимости»? «Нечто»? «Марс атакует»? «Люди в черном»? Какой тут может быть контакт, смеетесь, что ли? Может, вы еще предложите эльфам и оркам дружить и обмениваться технологиями? Мы как раз вчера об этом в форуме спорили. Нет, пришельца следует с самого начала долбануть, пока не вылез и не расправил перышки. Чтобы они еще долго к нам не смели сунуться!

Публика послушно зааплодировала.

– Неожиданное мнение, – подытожил ведущий. – Я бы сказал, огневое! То есть в книгах, которые вы пишете, инопланетяне и земляне не дружат?

– Я фэнтези пишу, – вдохновенно ответил Мирослав Апожин и снова взмахнул книжками.

В этот момент дверь моей комнатки распахнулась – на пороге стояла тетка в халате.

– Роман, надеюсь, вы уже отдохнули, теперь надо пройти медицинское обследование. Следуйте за мной.

Обследование длилось долго – меня провели по кабинетам, выспрашивали, измеряли пульс, брали кровь из вены, сделали зачем-то рентген... У меня создалось впечатление, что они вовсе не о моем здоровье заботились, а искали, не оставил ли пришелец каких-нибудь меток и датчиков в моем организме.

Я обнял Маруську и потрепал рыжую челку.

– А мама не приехала?

– Она хотела, – кивнула Маруська. – Но у нее давление подскочило. Ты когда домой-то вернешься?

Я вопросительно обернулся на даму в белом халате, которая сидела в углу комнаты, выделенной для встречи с родными. Даму, как я уже знал, звали Тамара, она была профессором психологии. Тамара развела руками.

– Работаем, Маруська, – ответил я. – И Юрий с Пашкой, и Лидка – все здесь, я их видел сегодня. Понимаешь, такое дело, единственный контакт. Кроме нас, никто не расскажет, вот нас и исследуют, заставляют вспоминать все...

– А я на телесъемках была! – похвасталась Маруська.

– Да уж видел, – улыбнулся я.

– Как? У тебя здесь телик есть?

– Конечно, есть, я ж не в тюрьме, верно?

– Ну как я? – спросила Маруська.

– Молодцом, – ответил я. – Но как ты туда попала?

– Да тебе звонят круглые сутки с тех пор, как в новостях твою запись с фотками показали. Невозможно просто! Приходится мне и маме отвечать. Ну вот меня и попросили на телевидение приехать. Я ничего смотрелась? Там такие каски дурацкие всем надели...

– Хорошо смотрелась, – кивнул я. – Там остальные вообще уроды собрались. Ну еще этот был вменяемый, как его, вебмастер.

– Мишка? Ага, мне он очень понравился, – застенчиво кивнула Маруська. – Они с доктором Пиколем сайт делают. Прилетело точка ру.

– Слушай, а кто такой этот Пиколь?

– Ты чего, не знаешь? – удивилась Маруська. – Его весь интернет сейчас цитирует, это очень умный дядька, профессор из Франции, доктор социологии типа Нобелевского лауреата. Занимается проблемой инопланетян.

– А чего еще в интернете говорят? – Я покосился на Тамару: они до сих пор не знали, что у меня наладонник. И шепнул одними губами: – Зарядку принесла?

– Ага! – Маруська заговорщицки полезла в сумку и вынула пакет с апельсинами. Среди оранжевых шаров мелькнул черный шнурок.

Я поспешно взял пакет под мышку.

– У тебя ж тут интернета нет, – нарочито громко заявила Маруська и подмигнула мне.

– Нету у меня интернета, откуда же? – громко подтвердил я.

– Так вот смотри, я приколу тебе распечатала и на майку утюгом перевела...

Она вынула белую майку и торжественно развернула передо мной. Посередине майки красовался квадрат, отпечатанный на блеклом принтере и слегка пожелтевший от неумелого утюга.

– Видел? Весь интернет ржет, – хихикнула Маруська.

Я засунул пакет с апельсинами под мышку поглубже и взял майку за плечики. На картинке неумелой, словно детской рукой был изображен посреди леса черный конус корабля – очень похожий, но почему-то на двух куриных ногах. Из корабля выглядывал пришелец – коробка с глазами и ушами. Рядом стоял на задних лапах суровый кот в больших военных сапогах и держал обеими лапами лукошко с бомбами, напоминающими бильярдные шары с фитильками. Над пришельцем было коряво выведено «Чоза грибы?», над котом плавал ответ: «Двацвосем йадерных!»

– Что это? – ошеломенно спросил я.

– Оборжаться, – хихикнула Маруська.

– А в чем смысл?

– Ну, приходит кот такой, а у него вместо грибов – бомбы. Его спрашивают, чоза грибы? А он такой: двацвосем йадерных! – Маруська широко взмахнула руками, изображая то ли ядерное облако, то ли размеры лукошка.

Я посмотрел на Маруську. На её лице действительно была самая неподдельная радость.

– Понятненько, – аккуратно сообщил я. – А смысл в чем?

– Ром, ты тупой, что ли? – рассердилась Маруська. – Какой тебе тут смысл нужен? Смысл – в Британской энциклопедии. А здесь приколу просто. Приходит кот, ясно? Такой, с бомбами. Кот в сапогах, смешно. По лесу шел. Типа тебя. А тут летающая тарелка. Пришелец ему: чоза грибы? – Маруська снова хихикнула и повторила, смакуя: – Чоза. Хе. Чоза грибы. Двацвосем йадерных, вот чоза грибы! Держи, короче, всё лукошко тебе! Хо-хо! Узнаешь, чоза грибы, смотри не лопни!

Я вежливо помолчал, не зная, что сказать, затем все-таки аккуратно спросил:

– Кот их в лесу набрал?

– Кого?! – изумилась Маруська.

– Ну, бомбы...

Маруська возмущенно набрала воздуха и покрутила пальцем у виска.

Тамара в углу вежливо кашлянула.

– Ладно, – поспешно кивнул я, свернул майку и запихнул в карман. – Мне пора. Сейчас планерка будет, мы все там должны быть, наше мнение сейчас важным считается. Спасибо за апельсины!

– Ладно, пока! – Маруська помахала ладошкой, откинула рыжую челку и выпорхнула из комнаты.

На планерке нашего мнения никто так и не спросил. А мы и не вмешивались – сидели на заднем ряду. Из обсуждений стало ясно, что район решено оцепить, потому что туда начали пробираться толпы всякого сброда, как выразился один из полковников. Пришелец на контакт не шел – напротив, открыл утром огонь по приблизившейся группе. Если я правильно понял, он не то чтобы стрелять начал – нет, никто не пострадал. Просто дважды выпускал огненное

облако, когда пытались подойти. Мы многозначительно переглянулись с Юриком и Пашкой – выходит, и наша встреча могла закончиться неизвестно как.

Вспоминали на планерке и доктора Пиколя, и еще каких-то аналитиков, говорили, что надо привлечь все силы. Говорили о беспорядках в городе – прошел какой-то стихийный марш протеста, показали пару фотографий через проектор. Смешно, конечно. Молодежь понацепляла на головы коробки, и многие несли в руках листочки с надписями: «Чоза грибы – двадцать семь йадерных!». Ну а старичье – как обычно: «Долой полицейское государство». Веселился народ, короче.

«Чоза грибы?» – все время задумчиво бормотал себе под нос один из полковников, сидящий впереди нас, это было особенно смешно. Но когда планерка закончилась, и все поднялись, он так остервенело глянул на мою футболку, что я невольно покраснел.

Под присмотром Тамары нас покормили ужином в местной столовой, мы еще немного посидели и разошлись, потому что уже спать хотелось дико. Вторые сутки, считай, эта история тянулась – толком поспать не удалось.

Телевизор в моей комнате все еще работал, как я его оставил включенным, но шла сушая ерунда. Я пощелкал каналами: на экране появился какой-то тип в военной форме, с большими щеками, он стоял на фоне леса и отрывисто говорил в микрофон, который ему протягивала корреспондентка:

– На сегодняшний момент. Ситуация. Так сказать. Под контролем. Благодаря оперативным действиям соответствующих подразделений. Силами милиции. Деятнадцатого подразделения. И сто тридцать первого. Район оцеплен от зевак. И, так сказать, от нежелательных лиц. На месте приземления работают соответствующие ученые. И соответствующие военные.

– То есть инопланетный объект действительно приземлился? Это не вымысел?

– Я не могу дать такой информации.

– Говорят, что интеллект пришельца превосходит наш. Это так?

– Я не готов это прокомментировать. Идет работа: работают ученые, работают военные.

Превосходит, не превосходит – это, извините, к гадалке. А мы работаем. Вот так.

Я выдернул телевизор из розетки и вставил вместо него зарядку для наладонника. Стянул штаны, майку и повалился на кровать. Но прежде еще раз поглядел на картинку. Кот, протягивающий лукошко обеими лапами, напоминал Маруську – она точно так же протягивала мне пакет с апельсинами.

– Чоза грибы? – произнес я вслух и хмыкнул. – Вот, блин, делать людям нечего. Чоза грибы. Хе! Чоза грибы... Хи-хи. Вот же дурь такую придумать...

Проснулся я глубокой ночью от грозы, что бушевала за окнами. Чувствовал себя не очень выпавшимся, но заснуть уже не удалось. Подумалось, что неплохо бы прогуляться по зданию, например, дойти до столовой – вдруг она круглосуточная? Попить чаю... но дверь комнаты оказалась заперта снаружи.

Я принял душ и включил наладонник. Лента друзей грузилась очень долго, пока я не догадался отключить картинки – такое впечатление, будто каждый в интернете теперь считал своим долгом вставить идиотскую «чоза грибы» в свой дневник. Очень хотелось написать в свой блог заметку о том, что с нами все в порядке, мы сотрудничаем с комиссией по контакту как главные свидетели. Но это бы означало, что у меня наконец отберут наладонник. Я ограничился тем, что отправил пару личных писем, потом просто побродил по интернету, а заодно зашел на «прилетело.ру».

Здесь рядом висели картинки – пришлось включить загрузку изображений и посмотреть, что это такое. Это оказались не осточертевшие «чоза грибы», как я боялся, но ничего нового я тоже не увидел. Это были мои собственные фотки корабля – те самые три фотки,

которые я выложил в дневник после контакта. Я порылся на сайте, но нашел только вторую статью Пиколя, которую читал еще утром. Зато под ней был его электронный адрес, и я решил написать ему письмо:

«Уважаемый Эрнест, – писал я, – простите, не знаю Вашего отчества! Я понимаю, что Вам приходят тысячи писем, а я даже не могу назвать своего имени. Мне это делать нельзя, потому что я – один из участников контакта. С удовольствием читаю Ваши статьи, очень взвешенно, да. Я все больше убеждаюсь – то, о чем Вы пишете, быстро подтверждается реальностью. Но у меня есть пара замечаний. Во-первых, я вовсе не погиб, как Вы пишете, и никто меня не скрывает – я добровольно работаю с учеными. Теперь далее. Я согласен, что разум пришельца превосходит наш, – об этом говорят факты, с которыми трудно спорить. Согласен, что нам неизвестны его мотивы. Но вот лично с нами, со мной и друзьями, он вел себя дружелюбно. Просто ему были любопытны какие-то вещи, и он расспрашивал. Так бы поступил любой нормальный пришелец на его месте. С чего же Вы взяли, будто он попытается нами управлять, чтобы захватить господство на Земле? Зачем оно ему? Откуда эти страхи, на каком основании? Ну, не желает вступать в контакт, ну, отогнал огнем парламентаров. Но ведь и вреда никому не причинил! Хотел бы причинить вред – сжег бы их на фиг! Верно? По-моему, он просто сидит и изучает нас. А вот то, что происходит с людьми, мне очень не нравится. Сегодня я смотрел телепередачу, так там один кретин вообще кричал, что пришельца надо убить, пока не поздно, ссылаясь на дебильные фильмы и книжки. Не знаю, как у вас в Париже, но в Москве сегодня шла демонстрация идиотов с плакатами „чоза грибы – двадцосемь йадерных“. Если вы не в курсе, поищите в интернете эту дурацкую картинку, где кот в сапогах приносит пришельцу бомбы. Мне бы хотелось услышать Ваш комментарий как видного социолога. Почему у людей такая реакция на пришельца? С уважением, жду ответа».

* * *

Я почистил апельсин и накатал короткое письмо Маруське с вопросом, как там мама. Мол, со мной все в порядке, просто работы много, и пусть она гордится сыном вместо того, чтобы нервничать. Отправив, я заметил, что доктор Пиколь прислал ответ.

«Доброй ночи, Роман! – писал Эрнест Пиколь. – Спасибо за Ваше письмо! Постараюсь ответить на Ваши вопросы. Вы спрашиваете, почему такая реакция на пришельца? Наше общество неизбежно проецирует на любое значимое событие собственные страхи и комплексы. Когда с Ваших слов мир узнал об интеллектуальном превосходстве пришельца, это неизбежно вызвало неприятие. К сожалению, мы не готовы признать такой факт. Человечество никогда этого не признает и будет упираться до последнего. Как справедливо заметил участник передачи, на которую Вы ссылаетесь, большая часть продукции искусства – кино, телесериалы, книги – издавна готовила нас к идее войны с пришельцами. Идея битвы с чужаком имеет гораздо более глубокие корни, чем нам кажется, она уходит в древность человечества. Это изначальный рефлекс, который мы унаследовали от животных. Фактически мы с вами – далекие потомки тех племен, что подозрительно относились к любым чужакам и в любую минуту были готовы дать им самый решительный отпор. Племена, которые чужаков не боялись, по понятным причинам не дожили до наших дней. Стоит ли удивляться, что в радикально настроенных кругах, особенно среди молодежи, появляются агрессивные призывы, картинки и лозунги? Здесь мы имеем дело с коллективным бессознательным. К счастью, это мнение не всего общества, а лишь ничтожного процента маргиналов, его не разделяют более разумные слои населения. В современном интернете агрессивная реакция возникает по любому поводу и событию. К счастью, вся эта агрессия индивидуальна и не имеет

ничего общего с государственной политикой, которая контролирует события. Как я писал в одной из недавних статей, государственные решения – инфантильны и компромиссны. Такое радикальное решение, как атака, может появиться у государства лишь в безвыходной, патовой для государства ситуации, когда на карту поставлено слишком многое и медлить нельзя. Где вы видите сегодня такую ситуацию? Я такой ситуации не вижу, потому что пришелец не атакует. Даже если он готовит атаку, нам об этом ничего не известно и никаких аргументов в пользу опережающего удара нет. Смею вас уверить, наше общество не способно сегодня официально ответить пришельцу агрессией, по крайней мере немотивированной. Вдобавок нам приходится констатировать, что у нас нет эффективного оружия против пришельца. Наш военный арсенал несовершенен. Каким оружием мы обладаем? Фактически все, что мы имеем, – это пресловутые ядерные ракеты. И если мы предположим, что его корабль способна уничтожить наша ядерная ракета (или большое число ракет, пущенных одновременно с разных сторон), то у нас есть все основания предполагать, что поразить цель не удастся. Судите сами: иноземный корабль не смог бы проделать такой большой космический путь, не имея на борту совершенной защиты от метеоритов и прочих баллистических объектов. Предполагать, будто его защита не сработает в случае ракетной атаки, думать, что он не сумеет засечь пуск ракет и принять меры, – крайне неразумно. Что будет дальше? Ответ пришельца на подобную акцию может оказаться роковым для человечества. Если интеллектуальный разрыв между пришельцем и людьми такой же, как между людьми и животными, то пришелец поведет себя так же, как ведет себя человек с агрессивной стаей хищников – истребляет все поголовье. Я надеюсь, вы это прекрасно понимаете и сами. Поэтому я готов с вами поспорить на любую сумму – вероятность атаки пришельца ядерными ракетами равна нулю. Но если говорить об агрессии, я бы опасался другого. А именно – претензий к России со стороны остальных ядерных держав, поскольку их интересы в данном случае оказались ущемленными. А отсутствие официальной информации о ходе контакта (в котором они не сомневаются) они могут расценить как скрытность. По крайней мере такова сегодня ситуация во французской прессе и американской. И я уверен, что в ближайшее время мы столкнемся с этой проблемой международной напряженности всерьез».

Я задумался и хотел было написать ответ, но глаза слипались – сказывалась вчерашняя бессонная ночь в милицейском обезьяннике. Снилось мне, что я иду по лесу в сапогах и держу в руках лукошко с апельсинами. Пел я при этом какую-то, как мне казалось, дико смешную песенку с припевом «чоза грибы?». Проснулся я от собственного хохота, но ни песенки, ни мотива вспомнить не смог. Я перевернулся на другой бок, но тут раздался стук в дверь. Я глянул на часы – было восемь утра. На ходу натягивая штаны, я поскакал к двери. За дверью стояла Тамара все в том же прохладном белом халате.

– Роман, ситуация изменилась, – сказала она. – Я прошу вас собрать все вещи, вертолет ждет.

– Вертолет? Опять? Что случилось? – насторожился я. – Пришелец начал действовать?

– С пришельцем ничего нового. А вот лично с вами, Роман, хотят поговорить в управлении.

– Ого, – только и сказал я.

– С вещами, – напомнила Тамара.

Летел я на вертолете с какими-то высокими чинами. Юрия, Пашки и Лидки не было – то ли они летели в другом вертолете, то ли в загадочное управление вызвали меня одного. В дороге, несмотря на грохот, я понял из разговоров, что пришелец все-таки начал действовать. «Попросил у Штатов политического убежища, эмигрирует в Неваду», – пошутил один из них. Похоже, информация эта была объявлена американцами, потому что наша партия оппозиции

уже призвала все население приехать на Медведицу и выйти на митинг. Еще мои спутники говорили про эвакуацию района и какой-то цистамин. Один все сокрушался, что из-за какого-то – тут он выматерился – цистамин подвезли в область в недостаточном количестве, и если народ схватит дозу, то президент отымеет по полной.

Вертолет встретила почти что группа захвата – такие суровые у них были лица. Меня сразу отделили от остальных, посадили в машину с черными стеклами, и мы понеслись с сиреной и мигалками. И уже через полчаса я оказался за полированным столом в большом кожаном кресле. Напротив сидели трое. Их я никогда не видел по телевизору, хотя наверняка они были важными политическими чинами.

Представился только один из них – немолодой человек с цепкими глазами.

– Иван Петрович, – произнес он, протягивая руку.

– Роман, – ответил я и зачем-то добавил: – Тоже Петрович. Роман Петрович.

– Так вот, Роман Петрович, – начал он. – Во-первых, от имени правительства выражаем благодарность за неоценимую помощь и сотрудничество. А сейчас, пожалуйста, ваш карманный компьютер...

Я покраснел.

– Роман Петрович, – внушительно повторил он, – пожалуйста, не делая резких движений, достаньте свой карманный компьютер и положите на стол... Нет, не мне – перед собой на стол. Да, вот так. Спасибо.

– Извините, – пробормотал я, – не подумайте, что я...

– Не надо оправдываться. – Он поднял руку. – Вас, Роман Петрович, никто ни в чем не обвиняет. Если у вас не забрали компьютер, значит, именно так было надо. Еще раз повторяю: мы вам благодарны за сотрудничество и надеемся, что вы и дальше будете выполнять наши просьбы.

Я успокоился и кивнул. Уж очень давила на нервы и эта ситуация, и этот кабинет, и эти окаменевшие лица.

– Теперь откройте письмо от доктора Пиколя, – продолжил Иван Петрович.

– Что? – встрепенулся я.

– Я повторяю: откройте письмо от доктора Пиколя. Делайте то, что я вам говорю, не нервничайте и не переспрашивайте.

– Делайте, Роман Петрович, это важно, – неожиданно подал голос один из сидящих в отдалении.

Я нашел письмо и открыл его в гробовой тишине.

– Теперь пишите ответ, – произнес Иван Петрович, в его руках вдруг появился блокнотик.

– Кому? Доктору Пиколу? – удивился я.

– Да, именно ему, доктору Пиколу. Пишите, я диктую. Доброе утро, доктор Эрнест, восклицательный знак.

Я поморщился.

– Может, просто доктор Пиколь?

Он кивнул:

– Да, напишите так, Роман Петрович, как написали бы лично вы.

– Написал, что дальше?

Он заглянул в мой наладонник, проверяя, и продолжил:

– Спасибо вам за быстрый ответ. У меня есть несколько серьезных возражений и пара мыслей, которые я хотел с вами обсудить. Об этом я напишу подробно чуть позже. Сейчас мы с группой ученых...

– Помедленней, пожалуйста, – взмолился я, не успевая. – ...с группой ученых, так.

– С группой ученых отправляемся к кораблю. Чтобы принести пришельцам к подножию корабля тщательно отобранные...

– ...тщательно отобранные...

– Тщательно отобранные образцы нашей культуры и искусства...

– ...и искусства...

– Все. Отправляйте.

Я поднял на него удивленный взгляд.

– Отправляйте, Роман Петрович, – настойчиво повторил он.

Я пожал плечами и нажал «отправить».

– Что дальше? – спросил я.

– Теперь подождем.

– А чего, собственно...

Закончить мне не дали – распахнулась дверь, и возник молоденький лейтенант.

– Отправилось! – выпалил он с порога.

Политические чины поднялись и вышли вместе с лейтенантом. В кабинете со мной остался только Иван Петрович. Он обошел стол, сел в кресло напротив, сцепил перед собой жилистые пальцы и глянул своими цепкими глазами даже не на меня, а сквозь.

– Вот так вот, Роман Петрович, – криво улыбнулся он. – Мы с вами посидим здесь еще какое-то время, не возражаете? На всякий, как говорят, пожарный. Может потребоваться снова ваша помощь. Наладонник откройте и положите перед собой. Если придет ответ – доложите мне.

Я кивнул. Наступила тишина.

– Чоза грибы, так молодежь говорит, да? – Он невесело усмехнулся.

Тут до меня начал доходить смысл происходящего.

– Вы что... – начал я дрогнувшим голосом. – Вы... вы решили его взорвать?

Он устало покачал головой.

– Надеюсь, вы сами уже поняли, Роман Петрович, кто такой этот доктор Пиколь?

– Это он и есть? – Я был ошарашен, хотя уже многое становилось понятным.

– Француз, который второй день ходит в интернет через открытые радиосети в районе реки Медведица... А вы, Роман Петрович, действительно поверили, будто люди идиоты, тупое стадо?

– Но... Пусть так, но почему вы хотите его уничтожить? Ведь он не сделал нам ничего плохого!

– Это вам и вашим коллегам он не сделал, – вздохнул Иван Петрович. – Зато доктор Пиколь успел за двое суток поднять на уши весь интернет, перессорить все наши политические партии, вытряхнуть наружу весь компромат, раздать чужими руками уйму взяток и почти что пролоббировать международный конфликт. Он пытался водить нас за нос и громко хвастался этим. Высший разум... – Он горько усмехнулся. – Подумайте сами, Роман Петрович, разве высший разум станет хвастаться перед стадом животных? Так что три дюжины ядерных зарядов окажутся неплохим реваншем. Не стоит хвастаться, недооценивать противника и быть настолько самоуверенным.

– Вы с ума сошли? – спросил я, понимая, что уже ничего не поделать. – Он же ответит! Он ответит! Человек, на которого напали тупые хищники, истребляет все поголовье!

– Да, мы следили за вашей перепиской, – кивнул он – В этом и главный фокус, вам задумали голову, Роман Петрович. Человек не истребляет поголовье хищников. Волки, тигры, медведи, львы – человек бережет любой хищный вид, охраняет его, создает заповедники. Защищаясь, человек может убить вожака стаи. И тут мы, те, кто принимает решение, рискуем своими головами. Но не судьбой человечества. Понимаете? И они поймут, если разумны. И вы поймете: мы не имеем права рисковать судьбой человечества. Нет у нас такого права, вот так.

– Я не хочу участвовать в этом! – крикнул я.

– А вы, Роман Петрович, и не участвуете, – спокойно ответил он. – Вы никуда не едете. Вы сидите здесь, вместе со мной, и ждете развития событий. Так же, как и я.

Дальше мы сидели молча, говорить было не о чем.

И если мне раньше казалось, что эти два безумных дня растянулись на год, то два часа, которые я провел в этом кресле, показались просто вечностью.

А потом раскатистым колоколом ударил один из телефонов, стоящих перед Иваном Петровичем.

– Слушаю, – произнес он, торопливо взяв трубку, и я понял, что он страшно волновался все это время, пока сидел два часа с каменным лицом.

В тишине кабинета я прекрасно слышал, что ему сказали в трубке:

– Исчез! Вообще, без взрыва! Пустая поляна, ящиков тоже нет.

– Невада? – быстро спросил Иван Петрович.

– Нет. Совсем исчез. Следим со спутников!

Прошло три дня, когда мне в домофон позвонил человек, представившийся курьером из интернет-магазина. Я поначалу решил, что это корреспондент, хотя с тех пор, как пришелец бесследно исчез, корреспонденты потеряли ко мне интерес. Впрочем, все равно я дал подписку о неразглашении, и сообщить корреспондентам ничего бы не смог. Но это оказался самый настоящий курьер – немолодой дядька, унылый и усталый. Он сумбурно извинился за задержку, мол, заказов было много, и протянул мне большую коробку.

– Чоза грибы? – пошутил я, взвешивая коробку обеими руками.

Курьер пожал плечами и ответил, что понятия не имеет. Я расписался, и он ушел.

Признаться, сердце слегка колотилось, пока я сдирал оберточную бумагу. А вдруг долбанет? Но в коробке оказался небольшой, но мощный ноутбук – как раз тот, о котором я мечтал уже год, даже цвет мой любимый. В квитанции вместо имени покупателя маячил запутанный интернет-адрес. Я набрал его на компьютере, и передо мной оказалась страница сайта частных открыток. На экране появилась эта дурацкая картинка «Чоза грибы», а внизу короткое послание:

«Роман, прими подарок в качестве благодарности за помощь; не волнуйся, я не украл его, а заработал в интернете немного денег дизайном и переводами. Чувство юмора оказалось самым сложным и противоречивым из ваших чувств, берегите его. Надеюсь, мне удалось его освоить с пользой. Спасибо за топливо. Эрнест Пиколь».

Олег Дивов

Мы работаем за деньги ⁵

На крыльце полицейского участка сидели двое. Один лохматый, волосы до плеч, другой лысый, а может, бритый. У лохматого под правым глазом светился фиолетовый синяк. У лысого – или бритого – поперек головы было что-то написано то ли губной помадой, то ли просто красным маркером.

Лохматый блаженно шурился на утреннее солнышко. Лысый то и дело морщился, кашлял и иногда осторожно поглаживал горло.

Тяжело ступая, пришел немолодой лейтенант, грузный, усатый, в выпцветшей фуражке. Поглядел на утренних гостей так, будто они тут и должны были сидеть. Гости подвинулись на крыльце, давая ему дорогу. Полисмен отпер участок и исчез внутри, не прикрыв за собой дверь. Послышалась деловитая возня – двигались стулья, открывались и закрывались ящики, шумно закипела вода. Потом раздалось глухо:

– Ну заходите.

Двое вошли в полутемную комнатку и остановились перед большим письменным столом – плечом к плечу, будто в строю.

– Габриель Барро, – представился лохматый. – Свободный художник.

– Эгон Эрвин Кнехт, – хрипло проговорил лысый. – Писатель-профессионал.

Подумал секунду и добавил:

– Дорого.

Лохматый недовольно покосился на лысого:

– Это, конечно, было обязательно.

– Себя уважать надо, – отозвался тот.

Полисмен не глядел на визитеров, он смотрел в монитор. Лохматый безошибочно нашел, где в стену вмонтирована камера, и небрежно помахал ей рукой.

– Лейтенант Ортега, – бросил полисмен, не отрываясь от монитора. – Э-э... Сеньоры. Не считите за неуважение, а можно пальчики ваши?

Лохматый и лысый коротко переглянулись.

– Время такое, никому верить нельзя, – объяснил лейтенант. – Смотришь на морду, вроде все сходится, а потом – бац! – инфа из округа, что морда-то краденая...

– Зачем тогда пальцы, давайте сканер, – предложил лохматый.

Лейтенант секунду подумал, кивнул и вытащил из-под стола белый пластиковый набалдашник на витом шнуре.

Лохматый запихал сканер глубоко под мышку. Когда то же движение повторил лысый, полисмен только головой покачал.

– Раньше слышал, но никогда не видел. Чип в сердце, мама дорогая... Пожалуй, это снимает все вопросы. – Лейтенант снова уставился в монитор. – Угу. Угу. Благодарю вас, сеньоры.

– Думали, врем? – спросил лохматый снисходительно.

– Ну... Уж больно у вас наружность... Небрежная. Опять-таки, вы в зеркало с утра смотрелись?

– Это скоро пройдет, – заверил лохматый. И добавил зачем-то: – Мой друг, видите ли, левша.

– А для чего у вашего друга на голове написано «Пупсик»?

– Это не я, – быстро сказал лохматый.

⁵ Взаимосвязан с рассказом Романа Злотникова «Не только деньги». См. сборник «Спасти Чужого».

Лысый потрогал макушку и, заметно смутившись, потянул из кармана платок.

– Туалет вон там, – показал лейтенант.

Лысый четко повернулся на месте, покинув импровизированный строй, и отправился устранять непорядок.

– Отставники, значит... – протянул задумчиво лейтенант.

– Ушли на вольные хлеба. Возраст, здоровье... Да и нервы не казенные.

– На маслице-то хватает? На вольных хлебах?

– А мы не прожорливые, – уклончиво ответил лохматый.

Вернулся лысый, уже без компрометирующей надписи.

– Хорошо, – сказал лейтенант. – Сейчас подтянутся мои ребята – утренний брифинг, постановка задач, разбивка по патрулям, все такое... Поэтому буду краток. Вам нужен урод. Мне – наоборот, совсем не нужен. Уроды, сами знаете, ребята ушлые: сегодня он тебе ботинки чистит, завтра ты ему, послезавтра весь город под его дудку пляшет. А я лично всем доволен и ничего не хочу менять. Стабильность и еще раз стабильность. Это залог нашего процветания. Ясно?

– Еще бы! – согласился лохматый.

– Не факт, что у нас вообще завелся урод, но сигналы были. Слухи, подозрения... Я проверил всех пришедших, кто осел тут за последние лет пять, – из списка никого нет. Вот зачем нужны вы. Умеете искать уродов профессионально, ну и действуйте. В рамках известного вам закона. Выйдете за рамки – вышибу из города к чертовой матери. Ясно?

– Ага, – сказал лохматый.

– Объясняю специфику места. Объясняю один раз. Здесь не просто зона отдыха, а ретро-курорт. Сюда не ездит шумная молодежь – ей у нас просто неинтересно. Тут все устроено для солидных взрослых людей. Воссоздана атмосфера прошлого века, как в старые добрые времена, когда мир еще не окончательно сошел с ума. Тихо здесь, ясно вам? Поэтому наши отдыхающие – люди непростые, каждый буквально на вес золота. Некоторые задерживаются надолго, кое-кто вообще остается в городе. А все почему? Да просто наш курорт – маленький, уютный, респектабельный. Значит, действовать вам надо аккуратно и с достоинством. Ясно? Умеете?

– А то! – заверил лохматый.

– А то есть мнение, что надо было вас упаковать в холодную еще вчера. Суток на трое. Дабы малость поостыли.

– Мы вчера только приехали, – непонятно объяснил лохматый.

– И?..

– Не освоились еще. Сегодня-то понятно все. Маленький, уютный, респектабельный курорт...

– Именно. Значит, ищите урода. Если найдете – скажете мне, я посмотрю, что он такое, а там решим. Если вздумаете его нейтрализовать без моей санкции – посажу вас обоих. Надолго. Ухлопаете по ошибке не того – посажу навечно. Кстати. Оружие?..

– Там все написано. – Лохматый кивнул на монитор.

– По-хорошему, надо бы его у вас изъять временно...

– Угу, – буркнул лысый.

– ...но ограничусь предупреждением, – сказал лейтенант, делая вид, что ничего не слышал. – Вздумаете размахивать стволами – конфискую. И упеку обоих за нарушение общественного порядка. Вопросы?..

– Нет вопросов, – скучным голосом протянул лохматый, глядя в стену. – А если мутант окажется не из списка?

– Хрен вам, – твердо сказал лейтенант. – Я в эти игры не играю. И другим не советую. Очень не советую.

Лысый неодобрительно фыркнул. Лохматый весь подобрался и так поглядел на лейтенанта, что тот невольно отодвинулся назад вместе с креслом.

– Повторяю вопрос, – сухо процедил лохматый.

– Ну... – Лейтенант надулся. – Не слышал я, чтобы кто-то ловил неучтенного уroda. Бродяг всяких оформляют, а деньги пият, тоже мне загадка природы...

– Не бродяги, – подал голос лысый. – Дети.

– Неучтенные мутанты – это второе поколение, – произнес лохматый нараспев, слегка покачивая головой. – Дети, сеньор лейтенант. Только дети.

Лейтенант смущенно потупился.

– Ладно, увидите такого – скажите мне. Вызовем экспертов, оформим как положено.

– Вот это правильный ответ, – очень тихо сказал лохматый, почти что прошипел. Он неприятно ссутулился и буравил взглядом макушку лейтенанта. А тот, пряча глаза, все ниже клонил голову к столу.

В комнате заметно потемнело, хотя за окном всю разгорался день.

– Не заводись, – сказал лысый. – Сейчас-то зачем? Вечно ты заводишься, когда уже не надо.

Лохматый медленно расправил плечи, откашлялся и сообщил полицейскому:

– Правильный ответ, лейтенант Ортега, хвалю.

Лейтенант, упершись руками в стол, делал глубокие судорожные вдохи, будто вынырнул с приличной глубины. В комнате уже было совсем не душно, и не жарко, и не муторно, и не хотелось застрелиться, чтобы избавиться от бессмысленного мучения, по ошибке названного жизнью. В комнате было опять светло.

– Разрешите приступить к выполнению задачи? – еле слышно осведомился лохматый.

Лейтенант не без труда оторвал одну руку от стола и слабо махнул ею.

– Мы вернемся и доложим, – пообещал лысый и четко повернулся через левое плечо.

Выйдя на улицу, лохматый и лысый одинаковым движением положили руки на пояс, сунув большие пальцы за брючные ремни, и уставились в разные стороны.

– Траттория, – сказал Барро. – Паста натурале, пицца мондиале и еще какая-то безграмотная хреновина. Спорю, все чересчур острое. Мексика, мать ее.

– Паб, – коротко доложил Кнехт.

– Паб, – согласился Барро.

Они неспешно двинулись по улице направо.

– Зачем ты его?.. – спросил Кнехт.

– Извини, коллега. По глупости. Как-то я после вчерашнего не очень себя контролирую. Но мы это немедленно поправим.

– Он тебя разозлил?

– М-да... Разозлил... Да, пожалуй, сеньор лейтенант сильно разозлил меня.

– Когда именно? – не унимался Кнехт.

Барро почесал в затылке, зачем-то осторожно потрогал синяк под глазом и сказал:

– Я подумаю и отвечу... Стоп! Ух ты! Это что еще такое?

– «Библиотека», – прочел вывеску Кнехт.

– Сам вижу. Там внутри полным-полно книг. Проверь по списку, нам туда имеет смысл?..

А то я так не помню.

Кнехт остановился, снял с пояса коммуникатор, потыкал в экран пальцем и ответил:

– Ноль.

Барро снова потрогал синяк.

– Да плевать, – сказал он. – Не могу я сразу из полиции – и в пивную! Это пошло. Дашь культуру!

В библиотеке было пусто, сухо, прохладно и сумрачно. Хранитель оказался старичком в тяжелых очках – словно нарочно его подобрали такого.

– Людвиг Фейербах! – отрекомендовался Барро. – Философ с большой дороги.

– Гегель, – произнес Кнехт сдавленно. – Просто Гегель. – И закашлялся.

Хранитель снял очки, протер их, водрузил обратно на нос и сказал:

– Ну, значит, сами разберетесь.

Барро пошел вдоль стеллажей с бумажными книгами, играя кончиками пальцев на корешках замысловатую мелодию. Несколько раз он останавливался и будто принюхивался.

Кнехт уселся за стол с компьютером и затрещал клавишами.

– Ой, какая прелесть! – воскликнул Барро где-то за стеллажами.

Хранитель, старавшийся делать вид, будто ему совсем не интересно, далеко высунулся из-за своей конторки.

– Чего там? – буркнул Кнехт.

– Якоб Шпренгер и Генрих Крамер с огромными комментариями. Чудо просто. Никогда такого не видел.

– Да-да, «Молот ведьм» у нас в самом полном издании, – обрадовался хранитель. – Цифровая версия продается, берите, не пожалеете. Еще что-нибудь историческое?

– Коллега Фейербах горячий поклонник инквизиции, – хрипло подсказал Кнехт. – Он с нее просто больной делается. Больной и дикий.

Хранитель поспешно спрятался обратно за конторку.

Вернулся Барро, отряхивая руки от пыли, встал над Кнехтом и заглянул через его голову в монитор.

– Ага, нашел мою книжку...

– Я уже купил ее для тебя. Отдашь с премиальных.

– Спасибо. Ты был прав, коллега Гегель, нечего тут делать, ни малейшего следа. Я надеялся на удачу. Подумал, вдруг сегодня везучий день.

– Работать надо! Тогда повезет.

– Вот зануда... – протянул Барро.

Они вышли из библиотеки, оставив хранителя в глубоком недоумении, и направились к пабу.

– А клиент где-то здесь, – сказал Барро. – Я сам его не чую, но мой опыт – чует. И особенно моя логика. Знаешь, бывает такое состояние, когда...

– Это тревожное состояние зовется похмельем, – буркнул Кнехт.

– Не считаю нужным оправдываться. Можно я буду выше этого? Спасибо. Глубоко тебе признателен.

Несколько секунд они шли молча, вдруг Барро шепотом выругался.

– Слушай, а ведь ты угадал насчет лейтенанта. Ну, подумал он, что мы играем в грязные игры, – эка невидаль. За это я просто хотел плюнуть ему в рожу... Нет, он разозлил меня раньше, раньше... И вот что я тебе скажу. Не видать нам денежек. Сеньор лейтенант Ортега решил взять мутанта на себя.

– Уверен?

– Абсолютно. Он выслужиться хочет перед начальством, крутизну свою показать. Еще один умник. Что-то много развелось их в последние годы, тебе не кажется?

– Еще один покойник, – сказал Кнехт. – И – да, кажется.

– В общем, не вижу смысла тут работать, – заключил Барро.

Подождал ответной реакции и, когда ее не последовало, добавил:

– Но выпить-то надо. Заодно поговорим.

Кнехт распахнул тяжелую дверь паба. Барро учтиво кивнул и прошел внутрь.

– А лейтенант не покойник, – бросил он через плечо. – Сам не полезет, щенят угробит двоих-троих. Вон топают – кандидаты на тот свет.

Кнехт в дверях оглянулся. По улице шли полицейские, трое совсем еще молодых ребят, очень гордых своей отутюженной формой, начищенными ботинками, а особенно – тяжелыми пистолетами в ярко блестящих кобурах.

Один из полицейских заметил Кнехта и улыбнулся ему.

– Тебе пива или чего покрепче? – спросил издали Барро.

– Боюсь, это не те люди, которые тебе нужны.

– Других нет. Я слил инфу, пришли эти двое. Послушайте, сеньор капитан, так или иначе, они наведут меня на урода. А уж возьму я его сам, – сказал лейтенант. – Округ эконоит на награде.

– Округ будет тебе благодарен, – отозвался в наушнике капитан. – А если удастся все сделать тихо – очень благодарен. Ну, ты меня понимаешь. Но только осторожнее с этими двумя.

– Вы их знаете, сеньор капитан?

– Просто слышал кое-что... Они любят фокусы, театральные эффекты – цену набивают, – вот за ними и тянутся слухи. Этот волосатый, Барро, много болтает и выпендривается, на самом деле он так отвлекает внимание на себя. Главный в паре – немец. Командир и основная боевая единица. А Барро просто ищейка, «нюхач», как они это называют. Владеет гипнозом, ты на всякий случай не смотри ему в глаза. И если что, ломай его первым, он треснет мигом.

– Когда они закончат свою часть работы, я выставлю обоих из города, и дело с концом.

– Аккуратно, чтобы у них не было повода упереться.

– Как я понял, их вышибли из Истребительной Бригады за разгильдяйство, – сказал лейтенант. – Там это зовется «уволены по медицинским показаниям». На самом деле они лентяи, выпивохи и трусы. Вряд ли им взбредет в голову упираться. Пойдут искать добычу полегче.

– Все-таки не забывай: эти двое разгильдяев – бывшие военные, и не простые. Тому, что они знают и умеют, в полицейской академии не научишься. Будь внимателен. Ладно, удачи тебе, и докладывай сразу. Возьми урода. Давно пора доказать, что мы это можем не хуже прочих. А то развелось, понимаешь, охотников за головами... Дикий Запад!

– Никакого Дикого Запада, – пообещал лейтенант. – Только не здесь.

Он повернулся к монитору и бесстрашно посмотрел в глаза оператору Шестой Международной Миротворческой Бригады Г. Барро (двенадцать личных нейтрализаций, двадцать восемь подтвержденных обнаружений, два законченных контракта, уволен по медицинским показаниям до истечения срока третьего).

– Надрать бы тебе уши, фокусник, – буркнул лейтенант. – Циркач дешевый... Ухлопал дюжину уродцев и решил, что крутой? Ничего, ты у меня попляшешь... После.

В пабе Барро залпом выдул кварту темного и блаженно обмяк на стуле.

Кнехт заказал яичницу с беконом и апельсиновый сок.

– Как пойдем? – спросил он.

Барро удивленно поднял брови. Кнехт с каменным лицом ждал ответа. Барро вздохнул и сдался.

– Тупо, по секторам. Карту только надо. Городишко крошечный.

– Пригород зато большой... – Кнехта снова пробрал сухой кашель.

– Сильно болит?

– На себя посмотри.

– Мы больше так не будем, правда? – Барро потрогал синяк. – Выпендреж перед девочками того не стоил.

– Зато девочки слили нам инфу по мутанту.

– Которую им слил лейтенант... Слушай, а что это было вообще? Ну, между нами? Что-то новенькое, и оно меня беспокоит. Мы ведь раньше не дрались.

– Да мы и вчера не дрались. Ты хотел показать мне свой коронный удар в горло.

– Ничего не помню, – виновато признался Барро. – Показал? А как он бьется, удар этот? А ты?..

– Да оба мы хороши, – Кнехт издал короткий хриплый смешок, от которого нервно подпрыгнул бармен.

– Скучно жить, – сообщил Барро. – Вот и валяем дурака. Возраст, не иначе.

– Это алкоголь, – отрезал Кнехт.

– А я тебе говорю – возраст. Мне уже тридцать пять, и вчера было тридцать пять, и завтра будет. Опять тридцать пять. Кругом тридцать пять. И самые яркие дни позади, и самые красивые дела. Тоска – застрелиться в пору. Я эту идею лейтенанту транслировал, когда прижал его в участке, – видал, как мужик впечатлился?

– Пить надо меньше, – посоветовал Кнехт и кашлянул.

– Тьфу на тебя. Карту хочу, – сказал Барро.

Он встал и направился к стойке. Через минуту вернулся с бумажным путеводителем, раскрыл его и принялся изучать. Кнехт меланхолично жевал яичницу.

– Городишко крошечный, – повторил Барро. – За день весь его прочедем. Можно изобразить паб-кролл, это будет убедительно. Не спеша, руки в брюки, пройдемся по заведениям... Заодно поем горячего. Должны тут где-нибудь делать луковый суп-пюре. Не бывает курортных местечек, чтобы без лукового супа.

– Если тут пусто, двинем глубже на юг?

– Тут не пусто. Говорю с полной ответственностью, как бывший нюхач твоего взвода. Мутант здесь. Думаю, он рано подался в бега, добежал аж досюда и хорошо прикрылся. Сам не высовывается, действует через посредников. Вот его и не взяли до сих пор – он просто не виден. А лейтенанту настучал кто-то, у кого зуб на посредников мутанта. Или это вообще пустой донос был, голое вранье. Но мутант – есть. Он тут сидит давно и плотно, успел пустить корни.

– Пустил корни... Как грустно, – сказал Кнехт.

– Невыносимо, – поддакнул Барро. – Меня прямо слезы душат. У мутанта тут дом, может, даже семья, дети, все как у людей. И вдруг появляемся мы. И ставим мутанта толстой жопой к теплой стенке. Ужас просто. Но... В свете некоторых обстоятельств... А оно нам надо?

– Это мутант, – напомнил Кнехт и снова кашлянул.

– Нам не дадут нейтрализовать его. Спорим, когда мы наведем полицию на цель, нас выпрут из города. Допустим, мы вызовем группу зачистки – прощальный жест доброй воли, так сказать... Но ребятам лететь сюда верные сутки, а Ортега ждать не будет, поэтому кровавое месиво с активным участием полиции в роли фарша я обещаю. И мутант сбежит, ищи его потом. Не говори мне, что твой план именно такой.

– Поглядел бы я, как нас отсюда выпрут, – сообщил Кнехт безмятежно. – Поглядел бы, да.

– Мы вообще-то свободные люди теперь, – сказал Барро с нажимом. – Что, забыл? Мы работаем за деньги.

Кнехт допил сок и звонко припечатал стакан доннышком к столу.

– Пойдемте, коллега, – сказал он.

Барро развел руками и встал.

Когда они вышли, бармен повернулся к компьютеру и набрал номер полицейского участка.

На улице двое привычно взяли за пояса и посмотрели в разные стороны.

– Бармен стукнул, гад, – сообщил Барро. – Ух, солнце какое... Где мои темные очки?

– А вон тот парнишка на роликах – наружник, – сказал Кнехт.

– Ну обложили просто со всех сторон... Где очки мои, неужто я их в отеле забыл?

– Ты их вчера подарил своей прекрасной собутыльнице.

– О черт. Эй, парень! – рявкнул Барро на всю улицу. – Да куда ты так рванул сразу... Хм... Кого бы мне теперь спросить... О, сеньор! На пару слов!

– Что ж вы кричите, сеньор Барро, – сказал молодой полицейский, выскочивший быстрым шагом из-за угла. – Напугали парня на роликах – вон как рванул от вас. Тут не привыкли к крику, место тихое...

– ...Респектабельное, – подсказал Барро. – Сеньор, а где бы мне купить респектабельные темные очки?

– Второй квартал налево, лавка Матиаса. Если скажете, что вы от Фернандо, – получите скидку.

– А очки точно будут респектабельные?

– Во всем округе дороже не найдете, – заверил полицейский. – И не кричите так больше, сеньор Барро, люди спят еще. Честь имею.

Когда полицейский убрался обратно за угол, Кнехт сказал:

– Что-то мне это напоминает. Тишина...

– Обычный курорт, – отмахнулся Барро. – Все гуляли до рассвета, теперь спят до обеда. Только мы да стражи порядка на посту. И кстати, прошлым вечером тут было совсем не тихо. Лично я чуть не оглох. И мы еще к морю не ходили, где всякие пляжные танцульки. Ненавижу.

– Вот это точно возрастное, – сказал Кнехт. – Ты работать думаешь?

– Как только куплю очки. Если трудиться из-под палки, то хотя бы в комфортных условиях.

В лавке Матиаса респектабельных темных очков не нашлось, только модные и дорогие. Барро, недовольно сопя, долго перебирал товар. Потом вдруг задумался. Небрежно бросил очередные модные очки в общую кучу. Обернулся к пожилому сонному приказчику, глянул на него в упор и ошарашил вопросом:

– А что, дед, жида в городе есть?!

Приказчик впал в ступор и ничего не ответил.

– Стукнул дед в полицию, – сообщил Барро, стоя посреди улицы и недовольно озираясь. – И еще кому-то стучит. Ох, сейчас начнется... Бедлам и пандемониум. Весь городишко на уши встанет. Запомнит он нас.

– Ты иногда бываешь невыносим, – заметил Кнехт.

– Очки хочу, – сказал Барро. – И чашку лукового супа.

– Теперь нас пасут двое.

– Через полчаса нас будет пасти все свободное от работы население. Тут-то мы его и понюхаем. Слушай, вот я вижу кафе «Парижский дворик». И думаю...

– А я вижу еще один паб.

– Паб, – согласился Барро и тоскливо зевнул.

Первым делом он как следует напугал официанта.

– Меня зовут Жак Деррида, – доверительно сообщил Барро. – Я, видите ли, француз. А это коллега Ле Бон. Мы прогрессивные мыслители, на гастролях тут. И нам нужен французский луковый суп! Иначе труба!

Юный официант, что-то проямлив, удрал и больше не появлялся. Спасать заведение от агрессивных мыслителей пришел старший смены.

В пабе лукового супа не оказалось. Кнехт взял кружку темного, а Барро, после мучительного раздумья, тоже кружку темного и еще айриш стью.

– Поесть-то надо, – объяснил он.

Вместо миски густой мясной похлебки ему принесли нечто в горшочке.

– Айриш стью?.. – недоверчиво спросил Барро.

– Как заказывали, мсье Деррида, – заверили его.

Барро осторожно приоткрыл крышечку, заглянул в горшочек, принялся, хмуро огляделся по сторонам и сказал:

– Ты не поверишь, коллега, но тут все, включая шеф-повара, уверены, что это именно айриш стью. Что оно такое вот.

Кнехт тоже заглянул в горшочек, принялся и поставил диагноз:

– Еда.

Барро отхлебнул пива и запустил в горшочек вилку. Некоторое время он жевал, а потом сказал:

– Чертовски не хочется работать.

Кнехт в ответ только фыркнул.

– Чертовски не хочется, – повторил Барро.

Он воткнул вилку в горшочек, встал, упер руки в боки и повернулся всем телом из стороны в сторону. Вышел из-за стола, сделал несколько шагов вперед, потом в сторону. Официанты, сгрудившись у барной стойки, опасливо наблюдали за его эволюциями.

Барро покрутился на месте, вернулся к столу и в два глотка допил пиво. Отошел к окну и уставился на улицу.

– Я ж тебе говорил – паб, – сказал Кнехт.

– А я что, упирался?.. Какая прелесть эти маленькие уважаемые городки... А помнишь тот поиск в Эл-Эй? Когда у меня шкура облезла на нервной почве? Три месяца ни малейшего следа! Ужас.

– Это ты не застал поиск в Москве. Вот где мы застряли намертво. У некоторых из наших там сейчас дети растут.

– Подумаешь, дети. Что это доказывает?

– Что там много красивых женщин и очень сильный фон. Мы просто не могли работать.

– Из-за женщин? – Барро по-прежнему смотрел в окно.

– Из-за фона. Нюхач брал мутанта со ста метров, не дальше. Поэтому у русских нюхачи считались простыми операторами, вот как я. И тут мы приперлись, крутые, учить их вздумали. А они только смеялись над нами.

– Это меня в Москве не было, – надменно заявил Барро, возвращаясь к столу. – А что у них так фонило?

– Русские, – сказал Кнехт просто. – Ну?..

Барро почесал в затылке.

– Пойдем. След очень приличный. И между прочим, ты прямо на нем сидишь.

– Я знаю. – Кнехт кивнул с самым невинным видом. – Я нарочно тут сел. А то ведь ты с похмелья ни черта не соображаешь.

– Скажи еще, что разобрал характер следа, ты, прогрессивный мыслитель. – Барро обиженно надулся.

– Нет, но я могу судить по твоей реакции. Научился за столько-то лет. Сюда заходит один из посредников, верно?

– Пойдем... Командир, – сказал Барро.

По улице Барро шел медленно, всем своим видом показывая, как он вял, ленив и расслаблен. Кнехт держался чуть сзади и сбоку. Барро часто останавливался, разглядывая витрины лавок и магазинчиков, вдруг сворачивал в переулки и тут же возвращался, один раз надолго встал у ничем не примечательной скамейки, потом взялся рассматривать пальму, да так пристально, будто вот-вот на нее полезет. Кнехт покорно сопровождал нюхача.

Это выглядело как сосредоточенная работа, как поиск следов на местности. Это и было работой, только на самом деле Барро ничего не искал. Общее направление он и так вычислил, теперь ему нужно было узнать как можно больше деталей. И информация сама шла к нему, стекаясь со всех сторон. Люди глазели на удивительного чужака, прячась за занавесками и тонированными стеклами окон, дверей, витрин. Люди знали, что чужак ищет «урода». Это настораживало и завораживало. А когда он заинтересовался «жидами», это просто ошеломило. Слух разнесся по городку мгновенно, и теперь каждый считал долгом как следует рассмотреть чужого.

Помимо синяка под глазом, в нем не было ничего особенного. Бесформенная цветастая рубашка с короткими рукавами, белые тонкие брюки, белые легкие туфли. Так же был одет его лысый приятель, только брюки и туфли он носил бежевые.

Два беспечных оболтуса средних лет, которые вчера напились и подрались. Такие не задерживаются на ретрокурортах. Здесь для них слишком тихо и дорого. Побродят денек-другой, вспомнят милые города своего детства, повздыхают об ушедшей эпохе, опять напьются и наконец уедут туда, где современно. Уберутся в большой мир, где шумно и быстро, где повсюду в воздухе плавают голограммы, а сам воздух так накачан рекламными запахами, что не продыхнешь.

Опасный мир, породивший мутантов, потом долго истреблявший их, теперь добывающий выживших, но так и не ответивший на главный вопрос – правильно ли это.

Странный мир, так и не ответивший ни на один из множества главных вопросов, включая самый главный – зачем это все.

Загадочный мир, который сто раз мог погибнуть, но все еще как-то держался, с каждым днем усложняясь и усложняясь, порождая очередные страшные угрозы, смело преодолевая их и тут же создавая новые на пустом месте.

Эти двое были оттуда. Они не мечтали сбежать отдышаться на тихий островок спокойствия, как нормальные курортники. Нет, они просто заглянули сюда и скоро уберутся.

Поскорее бы.

Солнце поднималось выше, и все сложнее было идти по теневой стороне улиц – она таяла на глазах. Но Барро по-прежнему брел в известном только ему направлении, а Кнехт невозмутимо шагал рядом.

Вдруг Барро резко остановился, помотал головой и огляделся пустыми глазами.

– Не переигрывай, – попросил Кнехт. – Ну?

– Картина в целом ясна. Надо бы группу сюда вызвать прямо сейчас, – сказал Барро, озираясь. – Для очистки совести хотя бы. А с другой стороны – какой смысл? Они не успеют... Черт возьми, опять паб! Это уже просто неприлично. Местные подумают, будто я – айриш-алкоголик.

– Не похож. На айриша.

– Но поесть-то надо, – сказал Барро и быстро нырнул в дверь.

В пабе он тем не менее решительно потребовал текилы, а про еду даже не вспомнил.

Кнехт ушел в дальний угол, там присел на диван за низеньким столиком и взялся за свой коммуникатор.

Барро принес от стойки не рюмку текилы, а бутылку. Кнехт неодобрительно поглядел на емкость, но промолчал.

– Маскировка, – объяснил Барро, посыпая сгиб ладони солью. – Уж если играть алкоголика, то надо убедительно. Налить тебе на два пальца?

– Нет. – Кнехт сосредоточенно водил пальцем по экрану коммуникатора.

Барро лизнул соли, выпил и, жуя дольку лайма, отвалился на спинку дивана.

– Только не вздумай прямо сейчас вызывать подмогу и вообще разводить аларм, – сказал он. – Сначала поговорим.

Кнехт недобро прищурился.

– А не пойти ли тебе... Поискать лукового супу? – спросил он.

– Нет, – отрезал Барро. – Оставь в покое свой ком и выслушай меня. Есть идея. Плодотворная дебютная идея.

– Опять?!

– Но в прошлый-то раз получилось.

– А в позапрошлый мы драпали – только пятки сверкали.

– Я тогда перестарался, виноват. Но в прошлый-то... А?

– Не мое это, – сказал Кнехт. – Не мое амплуа. То есть я могу, но не получаю никакого удовольствия.

– Ты просто стесняешься признать, что в тебе погиб великий актер, – настаивал Барро. – Давай по маленькой – и все обсудим!

Он принялся разливать текилу. Кнехт убрал коммуникатор на пояс и с обреченным видом взялся за солонку.

– Я так понимаю, мы влипли, – сказал он. – И выхода нет. И ты хочешь сначала подстраховаться.

– Ты еще не знаешь, насколько мы влипли. А когда узнаешь, сразу примешь мой план действий, – пообещал Барро.

– Чего я не знаю? Ну, коллега, прозит.

– Ничего. Коньо, коллега.

Кнехт прожевал закуску и сказал:

– Я не знаю одного: имени. А вот степень угрозы...

– Порядок цен, – перебил его Барро.

– Рановато тебя сегодня развезло, – сухо произнес Кнехт.

– Да пойми же наконец, коллега, мы больше не служим. Мы работаем за деньги.

– Я – служу, – холодно сказал Кнехт.

Подумал и добавил:

– А ты как хочешь.

Барро поймал его за пояс и дернул вниз. Кнехт, который уже вставал, неловко сел обратно на диван.

– Спокойно, спокойно, коллега, – сказал Барро. – Я вспомнил: после того, как я показал тебе свой коронный удар в горло, ты показал мне свой коронный удар в глаз. Спасибо, что промазал. Давай сегодня обойдемся без этого. И завтра. И вообще.

– С чего ты взял, что у нас будет завтра и вообще? – буркнул Кнехт.

– Ни с чего. Можем погибнуть уже сегодня. Надо, конечно, постараться, чтобы этого не случилось, но... В общем, у нас тут клиент на миллион. Да-да, подбери челюсть, на миллион. Нам этих денег не видать по-любому, но приличные комиссионные я добуду. За моральный ущерб, так сказать. Чтобы потом наши сыновья не говорили: мол, их геройские отцы сдохли отважными голодранцами...

– Ты уверен?..

– Я тоже, как и ты, не знаю имени. И это все, чего я не знаю.

Кнехт начал отгибать пальцы.

– Марио. Роза. Алекс. Владимир...

– Дастин, – закончил Барро. – Только не старина Дасти. Он бы засек нас первым и пришел лично, еще вчера. Просто из любви к убийству. И рванул бы дальше на юг.

– Да ладно тебе, – сказал Кнехт. – Как же, убил меня один такой. Я тоже люблю убивать всякую сволочь... Черт побери, что мы натворили. Мы наверняка вспугнули его. Он должен был унюхать нас прямо с утра. Сколько осталось времени, как ты думаешь?

– Часа два-три. Он не может сорваться из города сразу, колеблется. Что-то его тут держит, и крепко держит. Но постепенно он соберется с духом и либо ударит, либо сам пойдет на обострение.

– Там? – Кнехт ткнул большим пальцем за спину.

– Я тобой горжусь, коллега. Пятьсот метров и немного вверх. Второй этаж, думаю. Ну, еще по маленькой? Чисто для куражу.

– Ни в коем случае. – Кнехт снова взялся за коммуникатор. – Одного не понимаю – если он тут обустроился и зажил нормально, то как позволил себя засветить?

– Вот так и позволил, – отмахнулся Барро. – Потому что обустроился и расслабился. Не такие уж эти ребята монстры и мастера. Я был не слабее Розы или Марио. И я тебе говорю: десять человек, двадцать взять под контроль – это еще куда ни шло, да и то с перепугу или когда очень надо. Но в масштабах города даже уникам вроде Дасти может только задавать тенденции. Полегоньку капать людям на мозги день за днем. Спорим, это идея мутанта насчет ретрокурорта. Десять лет назад здесь была просто зона отдыха. А вот пять лет назад...

– Марио, Роза, Алекс?

– Пустой разговор. Каждый из них был в той или иной степени повернут на покое и тишине. Я тоже люблю, когда тихо. Это нам ничего не даст. Пожалуй, не Алекс. Уж своего любимого тренера я бы сразу вычислил.

– Ладно, – сказал Кнехт. – Вызываю группу.

– А смысл? Впустую дернешь ребят, у которых и так полно работы. Им сюда добираться сутки минимум.

– Если упустим клиента – двинут по горячим следам.

– Без толку, это я тебе как нюхач говорю.

– А что ты предлагаешь?

– По маленькой, – сказал Барро. – И пойдем вышибать из жидов наши комиссионные.

– Ты знал?.. – Кнехт сделал большие глаза. – Я думал, ты наобум ляпнул...

– Просто совпало. – Барро усмехнулся. – Даже не догадывался.

– Вызываю группу, – повторил Кнехт.

– Да хоть всю Шестую Миротворческую Бригаду. Толку-то. А что, вызывай. Давно я наших не видел. Соскучился.

С этими словами Барро потянулся к бутылке.

На вывеске было написано: «Ландау и Ландау. Консультанты». У дверей скучали двое молодых полицейских, делая вид, что стоят тут просто так, без дела.

– Во напугались-то, – сказал Барро. – Эй, ребята, посторонись.

Полицейские деревянно шатнулись в разные стороны и, когда дверь закрылась, встали на прежнее место.

– А чего мы тут?.. – спросил один.

– Да черт его знает, – ответил другой.

В приемной гостей прямо с порога обволокла уютная прохлада и окружила сдержанная роскошь. Хватало одного взгляда, чтобы понять – с местными тут не работают. Консультанты Ландау и Ландау давали ответы на такие вопросы, о существовании которых простой человек даже не подозревал.

Именно в этих вопросах – как незаметно управлять людскими массами к своей выгоде и общему удовольствию – хорошо разбирались беглые мутанты, те, что «из списка». Это было их призвание: влиять на людей.

Умиротворять.

Барро повелительным жестом осадил секретаршу – та уселась за свой стол и принялась что-то резво печатать. Кнехт отворил дверь в кабинет.

За дверью обнаружился стильный интерьер, а в нем – холеный красавец средних лет.

– Ландау хочу, – сообщил Барро.

– Давид Ландау к вашим услугам, господа, – произнес красавец с достоинством. – Присаживайтесь.

– Сам присядь, – сказал Барро. – И не болтай.

Красавец послушно уселся и замолчал. В приемной раздались торопливые шаркающие шаги.

– А вот и правильный Ландау! – Барро довольно потер руки.

В дверях появился седой мужчина, не старик на вид, но с заметной усталостью в глазах.

– Абрам Ландау, консультант. С кем имею честь?..

– Томас Торквемада, – весело представился Барро. – Налоговый инспектор!

– Доктор Геббельс, – хмуро сказал Кнехт. – Травматолог.

У Ландау-старшего голова ушла в плечи и забегали глаза. Барро и Кнехт молча ждали. Наконец консультант взял себя в руки, более-менее распрямился, посмотрел на притихшего Давида и хрипло спросил:

– Парня-то моего за что?..

– Не волнуйтесь, он просто дремлет, – сказал Барро. – И ему снится то, что он больше всего любит: большая куча денег. А мы поговорим. Коротко и конкретно. Мы ведь с вами деловые люди, верно? Компетентные и не жадные, ага?

Кнехт подошел к Ландау вплотную и мимо него уставился тяжелым взглядом в приемную, где секретарша интенсивно работала с документами. Ландау оперся плечом о косяк, опустил глаза и, глядя в пол, выдавил:

– Валяйте.

– Люди по-разному относятся к мутантам, – сказал Барро. – Некоторые им втайне симпатизируют. Ну, понимаете, естественное сочувствие гонимым и несчастным. Есть даже единицы, которые им по доброй воле помогают. А знаете, кого нет? Нет людей, которые сочувствуют тем, кто наживается на мутантах. Таких ненавидят.

– Чего вы хотите? – прошептал Ландау.

– Беглый мутант не может сидеть без дела, – продолжал Барро, словно не слыша. – Не может не проявлять свою сущность. Там, где мутант есть, он будет изменять мир. Иначе он не мутант. Но когда он в бегах, когда прячется от погони, ему нельзя действовать напрямую – он же сразу засветится. Нужны посредники. И такие, конечно, находятся. Ловкие, деловитые, умные посредники. Они знают, что мутант, по обычным человеческим меркам, безумен. Ему не надо денег – была бы крыша над головой, не надо славы... Нужно только занятие. Нужно, чтобы кто-нибудь говорил с его голоса. И таким образом изменял мир. В ту сторону, в которую нужно мутанту. И тогда все довольны. Не правда ли?

– Сколько? – спросил Ландау. – Сколько, черт вас побери?

Кнехт щелкнул пальцами. Ландау испуганно отпрянул в сторону. Появилась секретарша и протянула боссу ладонь. На ладони был коммуникатор.

– Всего лишь сто тысяч, – сказал Барро. – По договору об оказании консультационных услуг, хе-хе. И тогда мы с доктором Геббельсом никому не расскажем. Ни-че-го.

– Какие гарантии?

– Слово, просто наше слово.

Ландау молчал, раздумывая. Кнехт хмурился. Барро улыбался.

– Знаете, молодой человек, не расслышал ваше имя...

– Торквемада. Томас Торквемада.

– Знаете, молодой человек... – Ландау наконец-то нашел силы поднять глаза на Барро. – В истории моего народа много черных страниц, это всем известно. Но самые черные – те, на которых записаны имена предателей. Имена иудеев, которые продавали своих. Выдавали соплеменников на расправу...

– Да-да, – перебил Барро. – Вас, например, предали Голдберги. Виноват, что не сказал раньше, но я это только сейчас разглядел. Голдберги решили так нагадить конкурентам. Все как обычно, ничего личного. Просто гешефт.

Ландау от этой новости вяло отмахнулся. Он и так много сил тратил на то, чтобы говорить. Старику было страшно рядом с этими двумя, и противно было, и он боялся вызвать их гнев – но еще больше он хотел высказаться до конца.

– Вы же нюхач, молодой человек, не правда ли? И ваш товарищ, он ведь тоже из этих... Истребительная Бригада. Скажите, вы оба, что вы чувствуете, когда... Как это у вас называется... Нейтрализуете мутанта? Идете по следу, а потом убиваете его?

– Счастье, – сказал Кнехт.

– Стыд, – сказал Барро.

– Ну, хоть одному из вас стыдно... – Ландау прижал по очереди пять пальцев к экрану коммуникатора, потом мазнул электронной машинкой по плечу, где был вживлен чип. Коммуникатор пискнул.

– Забирайте свои тридцать сребреников. А теперь разбудите Давида и уходите.

Барро небрежно щелкнул пальцами в сторону младшего Ландау. Тот всхрипнул, дернулся и принялся тереть глаза.

– Вы не поняли, – мягко сказал Барро. – Когда я говорил про стыд, я имел в виду совсем другое. Мне мучительно стыдно того, что еще один из наших – предатель.

– Но в чем они провинились?! – шепотом вскричал Ландау.

– Да как обычно. В том, что родились на свет.

Полицейских у дверей было уже трое.

– Ребята, – сказал Барро. – Выручайте. Я хочу солнечные очки «Рэй-Бэн», классическую модель «Предэйтор». И я хочу французский луковый суп-пюре. Где?!.

Прежде чем полицейские собрались с мыслями, Кнехт крепко взял нюхача под руку и потащил за собой.

– Мы в паб? – с надеждой спросил Барро. – Мне нужна передышка.

– Десять минут. И максимум одна выпивка.

– Пятнадцать и две!

– Двенадцать с половиной и полторы! За что ты торгуешься?! – на полном серьезе возмутился Кнехт. – Ты хоть понимаешь, за что торгуешься?

– За свое здоровье.

– Уйдет ведь! В любую секунду уйдет! И ищи потом!

– Никуда она не уйдет. У нее тут дочь растет.

Лицо Кнехта вытянулось.

– Роза...

– Ага, Розита. Дочери примерно лет пять. Это многое объясняет, не правда ли? Роза дезертировала уже беременной. И этот город она обустроивала под свою девочку, для нее, ради нее. Точно такой же городок, в каком выросла сама. Хотела для малышки безмятежного детства. Вот что ее здесь держит – весь город. Если у Розы не хватит духу сбежать, она будет обороняться, не жалея никого. Нам придется идти к ней по трупам.

– Нас запросто подстрелят, – сказал Кнехт деловито. – Она стянет к дому всю полицию. Нарочно не попадут, но я боюсь случайной пули.

И тут же добавил:

- Интересно, кто отец?
- Точно не я! – Барро неумело перекрестился.
- Уже легче. И не я.
- Уже легче. А ты уверен?
- Категорически, – заявил Кнехт и тоже перекрестился. – А ты уверен?
- Абсолютно.
- Это хорошо. Но что делать? Ребенок!

– Я знаю, чего не надо делать, – твердо сказал Барро. – Не надо делать проблемы. Девочка скорее всего тоже мутант. Неучтенный, вне списка. То есть от десяти тысяч до плюс бесконечности, смотря по результатам экспертизы. Поскольку это отродье Розиты, я оцениваю девочку в районе миллиона. Сам понимаешь, никто на свете не заставит меня убить ребенка, который стоит миллион!

- Черт побери! – воскликнул Кнехт. – Как хорошо, что мы теперь работаем за деньги! Они ввалились в паб и с порога заказали виски.

– Самую дорогую отраву, какая есть! – распорядился Барро. – И много льда!

Кнехт взялся за коммуникатор.

– План такой, – сказал он. – Розу нейтрализуем. Девчонку глушим, берем подмышку и делаем ноги. Я сейчас отправлю доклад по полной форме и попрошу, чтобы выслали прикрытие и экспертов. Нам понадобится та еще поддержка. Ближайшие несколько часов за нами будет гоняться вся полиция континента. Пока не докажем, что брали мутантов, и командование Бригады не утрясет все формальности... Значит, сейчас угоним машину, двинем к Розе, потом рванем к аэродрому, там угоним самолет – и полным ходом на север.

– Ты прямо гангстер, – усмехнулся Барро. – Только не перевозбудишься.

– Я прямо будто снова на службе, – поправил его Кнехт.

– Вот на службе ты и вел себя как чистый гангстер. Цель оправдывает средства, ага?

– Что не так? – насторожился Кнехт.

– Давай выпьем, – сказал Барро.

– Не задерживай. Что не так?

– Допустим, у меня предчувствие. Веришь?

– Какое еще предчувствие?! Чего ты вдруг сдулся? Сюда направляется лейтенант Ортега, верно? Да и черт с ним!

– О да, тут я согласен, черт с ним... – Барро поднес стакан к губам – и опустил. – Не верится, что это может быть моя последняя выпивка.

Кнехт укоризненно поглядел на нюхача, взял стакан, демонстративно проглотил виски будто воду и продолжил возню с коммуникатором.

– Ага, вот вы где! – донеслось от дверей. – Эй, вы, двое!

Кнехт на окрик никак не среагировал. А Барро снова поднял стакан и сказал:

– Ну, за то, чтоб не последняя!

К столику подошел лейтенант в сопровождении аж четверых полицейских.

– Сеньоры Габриель Барро и Эгон Эрвин Кнехт. Вы задержаны. Будьте добры сдать оружие и проследовать с нами в участок. Фернандо, зачитай сеньорам их права.

– За что задержаны-то? – лениво спросил Барро.

– Там сообщим.

– Обязаны на месте.

– Да черта с два, тут вам не Европа. Стволы на стол! Будете выпендриваться – пойдете в наручниках.

Коммуникатор Кнехта сыграл бравурную мелодию.

– Готово, – сказал Кнехт, убирая машинку на пояс. – Лейтенант, я что-то пропустил? Как дела? Хотите с нами выпить?

– Стволы на стол! – прошипел лейтенант.

– Мы задержаны, коллега, – лениво сообщил Барро. – По обвинению в разжигании межнациональной розни. Часика три придется в участке посидеть минимум, а то и до завтра проваландаемся.

– А все ты со своими жидами! – рявкнул Кнехт.

– Ага, – согласился Барро. – Допрыгался, националист проклятый. Это у меня в генах: кастильская кровь.

– Да я вообще генетически – фашист! – заявил Кнехт.

– И я фашист!

Полицейские, дружно отвесив челюсти, наблюдали, как внутри пары идет непонятная борьба. Полицейским, даже самоуверенному лейтенанту, очень не хотелось связываться с этими двумя. Будь их воля, они бы вообще плюнули и ушли от греха подальше. Но что-то их тут держало. А лысый и лохматый увлеченно общались. Лысый нажимал, лохматый выкручивался.

Они пытались договориться – и никак не могли. Им надо было решить нечто очень важное, и от их решения зависело сейчас множество жизней. Полицейские чувствовали это и все медлили вмешаться.

Ведь кто его знает, о чьих именно жизнях шел спор.

– Да просто сволочь ты, а не фашист, – сказал наконец Кнехт устало. – Обычная сволочь. Эй, лейтенант, пошли в участок. Надоело ломать комедию. Было бы перед кем.

Их посадили в зарешеченные каморки и оставили в покое. Сказали, пока адвокаты не придут, тут посидите тихонько. Забрать оружие и коммуникаторы у них забыли – Барро решил, что это будет чересчур. Двое задержанных могли покинуть участок в любую секунду. Но они сидели, разделенные толстой решеткой, и молчали.

Первым не выдержал Барро.

– Извини, коллега, – сказал он. – Простишь ли ты меня когда-нибудь, сволочь этакую?

– Заткнись, пижон волосатый, – ответил Кнехт. – Актеришка.

– Я ведь ради общего дела стараюсь.

– Хорошо стараешься – подвел в самый важный момент!

– А если у меня предчувствие?!

– Нострадамус хренов.

– А что я могу?.. Я же не нарочно... С предчувствием, знаешь ли, не шутят!

– У тебя всегда предчувствие, когда пахнет дракой. Кассандра ты несчастная.

– Может, поэтому мы до сих пор живы? – спросил Барро вкрадчиво. – Я не боюсь драки, я боюсь нелепой безвременной гибели.

– Господи! – взмолился Кнехт. – Как было легко с этим уродом, когда мы служили! И как невыносимо трудно сейчас! За что, за что мне такое наказание?!

– Этот урод сегодня заработал тебе полсотни тысяч, – напомнил Барро. – Деньги буквально упали с неба на твой расчетный счет.

Кнехт фыркнул и отвернулся.

– Ну и ладно, – сказал Барро. – Тебе, допустим, все равно, ты у нас святым духом питаешься, а вот твоя супруга меня точно похвалит. Она меня ценит, не то что некоторые. Она верит, что у меня бывают предчувствия. Хотя ни разу не ходила со мной на операцию.

– Если бы она сходилась с тобой на операцию, ты бы сейчас лежал в гробу, – отрезал Кнехт. – Она бы оторвала тебе башку за один-единственный твой типичный выкрутас.

– Кстати о выкрутасах. Я не могу тебя заставить, ты знаешь, я могу только просить. Так вот, умоляю, когда Роза придет на нас посмотреть, не вздумай стрелять в нее. Шанс попасть у тебя будет процентов десять, а если промажешь, она точно из города сбежит. И нам тоже придется бежать отсюда, а я что-то устал сегодня.

– Да я и не собирался в нее стрелять. – Кнехт снова фыркнул. – Другие найдутся.

– Вот и замечательно.

– Да я честно не собирался.

– Вот и замечательно, – повторил Барро. – А то очень неустойчиво все. Я верно понял, ты запросил нам прикрытие и экспертов, но группу не отзывал? Извини, я правда устал...

– Успокойся, – сказал Кнехт. – Провидец фигов. Группа уже в пути. И теперь ребята знают, кого мы им тут сосватали.

– Ну вот и не спугни клиента.

– Я буду мил и ласков, – пообещал Кнехт. – Ибо что еще мне остается, когда напарник отказывается работать?!

– Через сутки здесь высадутся двадцать бойцов и проведут нейтрализацию. Так мы и долг свой выполним, и останемся живы-здоровы, и будем даже при некоторых деньгах. Если не спугнем Розу. Теперь объясни: что я сделал неправильно?!

– Да все ты сделал правильно... Но мне почему-то очень хочется снова дать тебе в глаз! – рявкнул Кнехт и закашлялся.

Барро улегся на жесткий топчан и закинул руки за голову.

– Работаю приманкой, – сообщил он. – В который уже раз, надоело до чертиков. То ли дело с этими жидами, лихо мы их сделали. Знаешь, отчего так популярен рэкет? Да просто им может заниматься любой кретин. Вот вроде меня. А я сейчас, вместо того чтобы лопатой грести деньги, лежу и работаю наживкой на акулу...

– Слышь, ты, наживка, – позвал Кнехт. – Я все забываю тебе сказать. Ты опять наврал про мутантов, будто они сами родились на свет. Зачем? Мне не нравится этот миф. В него и так уже верит каждый второй. А скоро поверят все.

– Это большой миф. – Барро потянулся всем телом. – Он красивый, трагический и по аналогии понятный любому кретину. Он ведь списан с бытующих мифов. Вон с того же еврейского.

– И чем он лучше правды?

– Тем, что в нем правды – ни слова, – сказал Барро твердо. – По-твоему, что я должен был объяснить Ландау? Что Шестую Миротворческую набирали из романтически настроенных щенят? Что нас искусственно модифицировали для службы во имя мира? Что мы верные псы человечества, а наш долг – защищать и служить? Но вот какая неприятность: добрая половина из нас, насмотревшись на кровищу, сбрендил, нарушила присягу и пошла спасать мир от него самого! И пришлось нас, уродов, выколупывать изо всех высоких кабинетов, что нашлись на Земле. Из всех правительств, корпораций, парламентов, церквей и так далее... Потому что мы решили железной рукой привести человечество к счастью! Умиротворить его раз и навсегда к такой-то матери... А открытая, гласная охота на мутантов по градам и весям – только ширма, поскольку на местах оседают самые безвредные. Это я должен был сказать Ландау?

– Безвредные-то они безвредные, – заметил Кнехт, – а вот завтра Розе как взбредет в голову учинить тут секту... Томми-Святоша угробил триста душ одним махом. А ведь такой был лапочка. Безвредный!

– Томми всегда был психом. Роза-то более-менее в порядке.

– Да, но сможешь ли ты поручиться за ее дочь?

– Да я за своего детеныша поручиться не могу! – выпалил Барро с неожиданной злобой.

– Не дури. Отличный парень.

– Ага, только я чуть не поседел в одночасье, когда увидел, как он взглядом ложки гнет...

– Врешь! – Кнехт подпрыгнул на топчане.

– Это был просто фокус. Парень купил учебник юного чародея и решил папу разыграть. А папа едва не рехнулся от ужаса.

– Предупреждать надо... – попросил Кнехт. – Я сейчас знаешь как испугался?

– Неправда, – возразил мягкий женский голос. – Ты не умеешь пугаться, Эгги. Ты никогда не боялся.

– Это разные вещи, – сказал Кнехт, не оборачиваясь. – Заставить меня бояться трудно. Но испугать-то можно. Привет, дезертир. Хорошо прикрываешься. Я засек тебя только на крыльце.

– Невежливо сидеть к дамам спиной, ты не находишь?

Кнехт медленно повернулся. В коридоре стояла женщина – невысокая, пухленькая и круглолицая. Смоляная коса до пояса завершала картину совершенной... безобидности. Женщина держала за руку такую же упитанную девочку лет пяти. Ребенок увлеченно грыз большую конфету.

– Ну тебя и разнесло, Розита! – ляпнул Кнехт.

Барро приподнялся на топчане и заинтересованно уставился на гостей.

– М-да, – сказал он.

И снова лег.

– Знаете что!.. – Гостя задохнулась от возмущения.

– Знаем, знаем, – буркнул Кнехт. – Ты нарушила присягу, родила и растолстела. Еще плохие новости есть?

Женщина круто повернулась и ушла, волоча за собой девочку.

– Она всегда любила покушать, – подал голос с топчана Барро.

– Пожрать, – уточнил Кнехт и тоже лег.

– Ах, мальчики, только не надо про спагетти, я на диете! Ох, мальчики, я на нервной почве опять набрала лишний килограмм... Но согласись, в двадцать лет Розита была чертовски хороша!

– Тогда и я был чертовски хорош, – заявил Кнехт. – В двадцать лет это не проблема.

– А я и сейчас ничего.

– Если бы, – сказала женщина, снова появляясь в коридоре. – Два потасканных облезлых придурка. И может, я дезертир, а вас-то – выгнали! Трусы, лодыри и пьянь, вот кто вы оба.

– Что за эпитеты, Розита. Ребенку вредно такое слушать.

– А он и не слушает, он выше этого. Эгон, какого черта вы тут делаете?

– Посадили, вот и сидим, – объяснил Кнехт.

– Какого черта вы в моем городе?!

– А-а...

– Если честно, мы тут случайно... – начал Барро.

– Заткнись, Гейб. Ни слышать, ни видеть тебя не желаю. Матерь божья, куда все пропало, от тебя же ничего не осталось! – воскликнула женщина в сердцах. – Ты все пропил – и свой талант, и остатки совести заодно! Подумать только – охотник за головами! Свободный художник Габриель Барро... Да на тебя смотреть больно!

– Ой-ой-ой... – пробормотал Барро язвительно и перевернулся на бок.

– Мы тут случайно, – сказал Кнехт. – У твоих Ландау конфликт с Голдбергами. Тебе надо было подмять под себя обе семьи, а ты, как обычно, разинула варежку. Вот Голдберги и сдали Ландау полиции. Сказали, на них работает мутант. Сами в это не веря, просто чтобы нагадить. Ортега тоже не поверил, но слил инфу на городское дно. А мимо проезжали мы...

– Проползали по дну, – уточнила женщина с плохо скрываемым отвращением.

– Хотя бы. А ты, как всегда, считала ворон – и засветилась. Сто раз я тебе говорил: не зевай на работе, убьют! Без толку... И вот мы здесь. Буэнос диас, Розита. Есть идеи?

Женщина думала. Девочка грызла конфету, сверля Кнехта черными глазенками. Барро, казалось, уснул.

– Я хочу только одного, – медленно проговорила женщина. – Чтобы меня оставили в покое. Ты ведь больше не служишь, Эгон, верно? Значит, ты не вызвал группу. Смотри на меня!

– Мы работаем за деньги, – сказал Кнехт. – А ты стоишь миллион. И неизвестно, во сколько оценят девочку. Нужна мне тут группа? Я собирался нейтрализовать тебя, а девочку выкрасть и удрать через границу. Прости уж за такую прямоту. Вот я и говорю теперь – есть идеи, Розита?

– Полтора миллиона, и мы забудем о тебе навеки, – подал голос Барро.

– Заткнись! – крикнула женщина.

Воздух в камере Барро сгустился и потяжелел. От мужчины, лежащего на топчане, остался только расплывчатый силуэт. Неподвижный силуэт.

– Никогда ты его не любила, – бросил Кнехт. – Смотри не прибеи ненароком. Он уже не тот, что раньше.

Женщина смотрела на Кнехта, тяжело дыша. На лбу ее выступили капли пота. Девочка оторвалась от конфеты и с интересом уставилась на маму. Потом вслед за ней перевела взгляд на Кнехта.

– Зря ты это, – сказал Кнехт безмятежно. – Бизнес есть бизнес. И напрасно ты приучаешь ребенка тарачиться на людей страшными глазами.

– Не любила... – протянула женщина. – Вот и нет. Давным-давно я любила Гейба. Только он меня не замечал. А потом его окрутила эта белобрысая дылда, и я поняла, что он просто глуп... А ты по-прежнему силен, Эгги.

– Это уже не сила, Розита, это опыт и голые нервы. Скоро нервов не останется, и я буду слаб. Мы быстро изнашиваемся, увь. Будь проклят тот день, когда я вступил в Шестую Бригаду. Черт побери, она ведь называлась Миротворческой... Теперь она такая только по документам.

– Да, в народе ее зовут Истребительной. – Женщина невесело усмехнулась. – Народ не ошибается. И он за нас, не за вас. А ты, значит, начал сомневаться, Эгон? Все-таки установка защищать и служить ломается даже у таких твердолобых.

– Я защищал и служил почти двадцать лет, – мягко сказал Кнехт. – Не осуждай меня. Ты-то сбежала. Я не смог. И вот мы... По разные стороны решетки.

– Она нас всегда разделяла, Эгон. Только я не понимала этого по молодости. Я не создана для войны, мое дело – мир. Я несу людям тишину и покой, я учу их, как быть счастливыми. А ты всегда был охотником на людей. Нашел свое место в жизни... Значит, говоришь, бизнес есть бизнес? Хорошо, ты получишь миллион. Ландау заплатят тебе сегодня же. А ты забудешь, что меня видел. И сделаешь так, чтобы этот жалкий нюхач тоже все забыл. Я ему не верю, поэтому ты отвечаешь за него. А наша дочь наложит на тебя заклятие. Если ты расскажешь о нас с ней – умрешь. Попробуешь нейтрализовать нас – умрешь. Если это сделает Гейб – все равно умрешь ты. Потому что сделку мы заключим с тобой. Соглашайся, Эгон. Это хорошая сделка. Как раз для тебя, ведь ты прекрасно умеешь забывать.

– Наша дочь?.. – тупо переспросил Кнехт.

– Ты умеешь забывать, – повторила женщина.

Кнехт сидел на топчане и смотрел на девочку. Девочка смотрела на него. Еще секунду-другую они играли в гляделки, потом девочка засмеялась и спрятала лицо в мамину юбку.

– Она, случайно, не умеет гнуть ложки взглядом? – спросил Кнехт.

К конторе Ландау они ехали под эскортом полиции. Барро выглядел смущенным и пришибленным, Кнехт глазел по сторонам и казался абсолютно спокойным. Ландау-старший к ним не вышел, миллионный контракт оформлял Давид, уже не вальяжный, а напротив, испуганно-суетливый. Все формальности заняли несколько минут, и вот двое опять стояли на крыльце, с которого сошли пару часов назад.

Нормальный «охотник за премиальные», разбогатеет всего лишь за день на пятьсот пятьдесят тысяч без единого выстрела, пустился бы в пляс. Но эти двое не выглядели особенно радостными.

– Нам бы по рюмочке, – жалобно протянул Барро.

– Давайте обратно в машину, – сухо ответил лейтенант. – Вы, сеньоры, откуда прямо в аэропорт, и аста ла виста. Прямо скажу, возвращаться даже не думайте. Как говорят у вас в Европе – энд нэва кам бэк.

– Чисто из принципа, – сказал Барро. – Мне хотелось бы знать, где-нибудь в этом городе можно поесть французского лукового супа? Просто хотелось бы знать.

– Ты еще хотел очки, – напомнил Кнехт. – Свой любимый «Рэй-Бэн». Он его тут, лейтенант, какой-то бабе подарил. А какой, запоматывал.

– Это все? – поинтересовался лейтенант. – Или будут еще вопросы, сеньор Барро? Свободный, мать твою, художник...

– Только один. Последний. Я вам не показывал свой коронный удар в горло?

С этими словами Барро выбросил руку далеко в сторону и с размаху хлестнул лейтенанта напряженными пальцами по жирным складкам ниже подбородка.

Рука Барро проделала изрядный путь, но лейтенант все равно ничего не успел сделать, только чуть наклонил голову. Теперь, схватившись за горло, он медленно оседал на тротуар. Четверо полицейских провожали его взглядами, пока он не рухнул на колени, хрипя и задыхаясь.

– Сам удивляюсь, как это у меня выходит, – сказал Барро. – Но получается ведь!

– А теперь я ему покажу мой коронный удар в глаз! – пообещал Кнехт, заноса ногу.

– Убьешь ведь!

– И то верно. Пусть себе так валяется. Ну, пока, ребята, не провожайте нас.

Патрульные, сгрудившиеся вокруг хрипящего лейтенанта, не ответили.

– Надрать бы им уши, – буркнул Кнехт. – Ведь еще утром мы записали их в покойники. А вот – живы, лоботрясы.

– Поехали. – Барро открыл дверь полицейского вэна. – Хотел угнать машину? Вот тебе машина. Садись, я поведу.

Несколько минут они крутились по тесным переулкам, заехали в арку и остановились посреди небольшого уютного дворика. Бампер машины уперся в тихо журчащий фонтан, стены вокруг были густо увиты плющом.

– Красота, – сказал Барро, вынимая из-под рубашки плоский маленький пистолет. – Нас не ждут с этой стороны, пройдем сквозь дом – и мы на месте. Ох, я сейчас оторвусь. Устал притворяться мальчиком для битья. Категорически не моя роль. Как мучительно было изображать беспомощное тело там, в участке! До сих пор тошнит. Пристрелю суку сумасшедшую за такое унижение.

– Нет, – отрезал Кнехт, доставая такой же пистолет и проверяя обойму. – Я убью суку. Ты бери ребенка.

– Как прикажешь, командир, – согласился Барро. – Голову даю на отсечение, это не твоя дочь. Кажется, она от Владимира. Ну, рано или поздно найдем Влада – тогда спросим.

– Знаю, что не моя, – сказал Кнехт. – Просто Роза окончательно сбрендилла. Но на пару секунд ей удалось испугать меня. И она за это ответит. Работаем? На счет «три». Раз! Два! Три!

– Погнали! – крикнул Барро, прыгая из машины.

Воздух подернулся легкой голубоватой дымкой, она стремительно заполнила весь двор, окутала дом, и две тени беззвучно скользнули в нее. Растворились в ней.

Барро ошибался, их ждали и с этой стороны тоже. Когда два нюхача примерно равной силы играют друг против друга, такие накладочки обычное дело. Ты пытаешься сбить противника

с толку и не дать ему засечь себя – он отвечает тем же. Буквально за несколько секунд весь дом оказался битком набит ложными целями, в нем фантомы гонялись за призраками, и разобрать что-то в этой кутерьме не было никакой возможности. Роза не видела своих врагов, но и враги не понимали, где она прячется. А ведь тут были еще люди, и некоторые из них носили оружие.

И то, что ты движешься быстрее, стреляешь точнее, чуешь опасность затылком, еще ничего не гарантировало.

Ведь ты действуешь по закону и играешь по правилам, а противник – нет.

Едва Барро и Кнехт взбежали на террасу, опоясывающую второй этаж, как распахнулась дверь, и им навстречу вышел мужчина в полицейской форме. Он без предупреждения открыл огонь с десяти шагов, расстрелял всю обойму и не попал ни разу. После чего Барро ударил его в горло, а Кнехт – в глаз, и полицейский рухнул на пол.

Пуля ударила в стену над головой, посыпалась штукатурка. Барро, не глядя, ткнул пистолетом за спину, оружие сухо захрустело, на другой стороне двора вдребезги разлетелось стекло, и кто-то упал, не переставая жать на спуск.

Кнехт дал короткую очередь по соседней двери, покрыв ее крошечными оспинками, – за дверью гулко свалились и тонко закричали. Барро толкнул оконную раму, прыгнул через подоконник внутрь дома и сразу кому-то врезал пистолетом по лицу, а потом ногой в челюсть.

Кнехт на террасе трещал одиночными выстрелами – направо, налево, вверх, опять направо. С крыши сорвалось тело, упало в фонтан и принялось там барахтаться, громко призывая на помощь.

В доме отчаянно ругался Барро, раздавая во все стороны пинки и затрещины. Похоже, он там врезался в живой щит из добропорядочных налогоплательщиков и прочих местных граждан. Кнехт, закончив общение с полицией, бросился ему вслед. Тут Барро заорал: «Улица! Улица!» – и начал колотить пистолетом по мордам, прокладывая себе дорогу. Поднялся невообразимый гвалт.

Внутри дома нормальный человек не разглядел бы ни черта, но Кнехт определял свой путь и цели не глазами. Разбежавшись в коридоре, он проломил тонкую перегородку между комнатами, за ней еще одну, пинком вышиб дверь и оказался на лестничной площадке – лицом к лицу с тремя запыхавшимися полицейскими.

Первому он локтем свернул челюсть на сторону, второму засветил рукояткой пистолета в ухо, а третий упал сам, когда на него повалились двое, и вся компания посыпалась кубарем по лестнице вниз, не успев даже приблизительно понять, что произошло. А Кнехта наверху уже не было.

Неподалеку опять стрелял Барро – из окна по улице. Кнехта это немного удивило, но он еще не закончил свою работу и подумал, что нюхач как-нибудь сам разберется. Сейчас надо было прочесывать дом, проверять комнату за комнатой, искать первичную цель. По внутренним часам Кнехта операция шла уже заметно больше минуты, еще немного – и Барро начнет уставать. А когда нюхач устает, он начинает стрелять на поражение, чтобы лишний народ не путался под ногами и не мешал решать задачу.

Кнехт быстро прошел несколько комнат, в которых слабо шевелились ненужные ему люди, выпрыгнул через окно на террасу и дал пинка под зад полицейскому, который ползал там на четвереньках. Пробежал по террасе, снова вошел в дом через дверь, осмотрел еще несколько комнат и вдруг увидел – на самом деле ощутил, потому что вокруг клубился непроницаемый голубой туман, – где его первичная цель.

* * *

Эта стена была капитальной, а дверь – прочной, старинной, и замок тоже антикварный, не по зубам слабенькому оперативному пистолету. Но рядом оказалась кухня, и там нашлась стиральная машина.

Двое схватили железный ящик, оторвали, подняли его легко, будто пушинку, – и с размаху метнули в дверь.

Бабахнуло что надо.

– Здравсте, я Якоб Шпренгер! – крикнул Барро, появляясь в проломе. – А это мой друг и коллега Инститорис, он же Генрих Крамер!

– А это, – Кнехт пнул останки стиральной машины, – наш молот ведьм!!!

Роза понуро сидела в глубоком кресле, сложив руки на коленях.

– Клоуны, – сказала она тихонько. – Всегда вы были клоуны.

И опустила глаза.

Барро, дыша, как запаленный конь, подошел к креслу, оперся о спинку и сплюнул на пол. Стало заметно, что он не только растрепанный, оборванный и потный, но еще и очень-очень злой.

– Спеклась толстушка, командир, – пропыхтел он в сторону Кнехта. – Минута сорок две – и спеклась.

– Доклад, – выдохнул Кнехт. – Полный доклад мне.

– Первичная взята, контакт со вторичной утрачен. Потерь гражданского – ноль, легко-раненых – три, плюс мелкие травмы. Потерь полиции – ноль, легко-раненых – шесть, средние – пять, один из средних тонет в фонтане, но я уже послал его вытащить. Полицейский спецназ оцепит район через пятнадцать минут, у нас на нейтрализацию и уход – десять максимум. Оператор Барро доклад закончил.

– Оператор Барро! – фыркнула Роза.

– Заткнитесь, пожалуйста, бывший оператор Де Леон.

– Кончай ломать комедию, ты такой же бывший, как и я, – заявила Роза сварливо.

Голубой туман постепенно рассасывался, дом начал оживать. В нем, оказывается, повсюду были, стонали, кричали от боли, плакали и ругались, особенно громко – на лестнице.

Кнехт взвесил на ладони коммуникатор и сунул его Розе под нос.

– Роза Де Леон, слушайте приговор.

– Да, конечно. Буду слушать и смотреть на тебя. И радоваться тому, как скоро ты умрешь.

– Слушай, пожалуйста, – сказал Кнехт. – Так положено. Это недолго, короткая версия.

Из коммуникатора раздался голос судьи, зачитывающего смертный приговор. Роза смотрела на Кнехта и нехорошо улыбалась. Барро стоял у окна и глядел на улицу. Кнехт подошел к напарнику.

– Где вторичная? – спросил он шепотом.

– Ландау увез!

– Ландау?!

– Старик. Вот почему его не было в конторе. Здесь он околачивался.

– Ну и ну!

– Сделал я ему пару дырок в задней двери, стекло разбил, а толку... Роза так прикрыла старика и девочку, что можно было только стрелять, ничего больше. Я их не видел и почти не чувал. Старею, видно. Прости, командир...

– Может, это все и к лучшему, – задумчиво протянул Кнехт.

Приговор и правда оказался коротким. Едва отзвучали последние слова, Кнехт сзади шагнул к Розе. Та встрепенулась, будто проснувшись, села прямее.

- Погоди, – сказала она, не оборачиваясь.
- Извини, нет времени. – Кнехт поднял оружие.
- Я должна тебе сказать, Эгон. Ты должен знать...
- ... Что ты соврала мне про девочку?

Роза сжала виски руками, контуры ее тела вдруг расплылись перед глазами Кнехта, и он привычно зажмурился, чтобы стрелять вслепую, по одному чутью. Барро от окна прыгнул к креслу, но наваждение прошло так же быстро, как возникло.

– Уже не важно, – очень спокойно произнесла Роза. – Игра окончена, мой друг, игра окончена...

- Прощай, – шепнул Кнехт и очень по-будничному выстрелил ей в затылок.
- Пять минут, – сказал Барро, отворачиваясь к окну.
- Что это было? С ней?

– Ерунда какая-то. Если честно, не знаю. Не мой профиль. Может, она молилась так нашему мутантному богу, которого нет. Просила об отпущении грехов.

Кнехт нагнулся и сунул коммуникатор Розе под мышку, чтобы считать с чипа свидетельство о смерти.

– Какое решение по Ландау? – спросил Барро. – Сам понимаешь, в такой суматохе я не мог отследить, куда именно он направляется. Конечно, найти старика – пара пустяков. Но... Он ведь заплатил нам миллион! Тебе не кажется, что, говоря по чести, он выкупил у нас девочку?

- Я подумаю. Сказал уже: не исключено, это все к лучшему.

Кнехт подошел к Барро, взял с подоконника чудом уцелевшую вазу с цветами, швырнул букет на улицу, а воду вылил себе на голову. Подумав секунду, бросил вазу вслед за цветами.

– Хорошо жажнуло! – Барро огляделся, нашел на каминной полке еще одну вазу, схватил ее, выбросил цветы за окно и перевернул вазу над головой.

- Там нет воды, букет сухой, – сказал Кнехт лениво, садясь на подоконник.

– Три минуты сорок пять секунд, – предупредил Барро, швыряя вазу мимо Кнехта на улицу и запуская обе руки себе в волосы. – Там нет воды, но есть что-то подозрительно знакомое. О-па!

На ладони Барро лежал крошечный чип.

Кнехт на подоконнике одной рукой держался за левый висок, а другой растирал грудь в области сердца.

- Опять прихватило? – спросил Барро сочувственно.
- Как всегда. Отходняк. Ты нашел чип девчонки?

– Сейчас разберемся. – Барро прижал чип к коммуникатору и уставился на экран. – Ну естественно. Нашла место, где хранить. Все-таки Роза была редкая дура. Точнее, на редкость самонадеянная дура. Уж на что я самонадеянный дурак, а держу чип сына в банковском сейфе.

- Когда будешь вживлять?

– Вообще не буду. Когда парню стукнет шестнадцать, отдам ему – и пускай сам поставит куда захочет. Хоть в ухо. А ты своему уже поставил?!

– Куда, он крохотный совсем... Годам к пяти-шести поставим. В плечо. – Кнехт отпустил висок и, морщась, обеими руками массировал грудь. – Уф-ф, староват я для этой работы... Ничего, еще минуту – и побежим. Что там про девчонку?

- Да, в общем, ничего по нашей линии. Мария ее зовут.
- А полное имя?

Барро стоял посреди комнаты над трупом Розы, смотрел на Кнехта и постепенно бледнел.

– Знаешь, коллега... – произнес он медленно. – К дому едет много машин скорой помощи. Некоторые из них проскочат сюда раньше, чем спецназ замкнет кольцо. Врачей просто не успели предупредить. И я думаю, ничего страшного не случится, если мы позаимствуем одну машинку. Вместе с экипажем. Поднимайся.

– Не могу пока.

– А я тебе говорю, отрывай задницу от подоконника. У нас две минуты. Ну-ка...

Барро подхватил Кнехта и поволок его из комнаты. Кнехт с трудом передвигал ноги и тяжело висел у напарника на плече. Впрочем, у него еще хватало сил ругать себя последними словами за слабость.

– Ты был великолепен сегодня, – пропыхтел Барро, стаскивая Кнехта вниз по лестнице. – Теперь держись. Я все сделаю.

Кнехт вдруг рассмеялся. Потом закашлялся. А откашлявшись, рассмеялся опять.

– Похоже, Роза не врала насчет заклития. Ну, Роза... Ну, ты даешь! Наша сумасшедшая сука породила та-акую... Сумасшедшую суку!

– Заклтий не бывает, – отрезал Барро. – Не знаю, на что способна девчонка, – Роза прикрывала ее изо всех сил. Может, она вообще нормальная! И уж заклтия она точно не накладывает, это я тебе гарантирую. И как нюхач своему командиру, и как мутант мутанту! Не бывает заклтий, понял?!

– А что бывает? – уныло поинтересовался Кнехт. – От чего я загибаюсь-то?

– У тебя банальный сердечный приступ, – сказал Барро, пинком распахивая дверь на улицу. – И ты не загнешься. Не позволю из вредности!

На улице былолюдно и шумно: наспех перевязанные израненные полицейские отгоняли от дома пострадавших, крича, что тут сейчас будут стрелять. Пострадавшие рвались внутрь спасать имущество.

– Все ходячие – ко мне! Бегом! – рявкнул Барро. – Взяли и понесли! Бегом! Раз-два, раз-два!

– Имя... – прошептал Кнехт, клоня голову на грудь. – Ты не сказал мне полное имя.

– Падай! – скомандовал Барро.

Множество рук подхватило Кнехта, и небольшая толпа быстрым шагом понесла его по улице навстречу сиренам скорой. Впереди, расчищая дорогу, топал здоровенный полицейский. Он шел молча, только грозно размахивал пистолетом, а свободной рукой придерживал свернутую челюсть.

– Имя... – шептал Кнехт. – Где ты, Габриэль, черт тебя дери... Почему ты не сказал мне имя...

– Да здесь я, здесь, куда я денусь! – раздраженно выпалил Барро. – Не знаю, что все это значит, не знаю, что между вами было, и вообще мне наплевать, это ваши дела... Внимание! Левое плечо вперед! Прямо! Стой, раз-два! Двери открыть! Выдвинуть носилки! Опускай! Так, всем спасибо, все от машины! Закройте дверь! Эй, ребята, у нас тут острый сердечный приступ. Полный вперед!

Медики набросились на больного так, будто от его спасения зависели их собственные жизни. Барро убрался в уголок, чтобы не мешать. Скорая развернулась на месте и, взревев сиреной, рванула вперед.

– Имя! – неожиданно сильно выкрикнул больной.

– Вот пристал с ножом к горлу! Элеонора-Мария Де Леон Кнехт, – сказал Барро. – Надеюсь, это поможет.

– Я вспомнил... – то ли простонал, то ли промычал Кнехт. – Понимаешь, я вспомнил! Роза затерла мне память... Но теперь я вспомнил... Наверное, она перед смертью разрешила... Девочка... Наша... Моя... Жаль, что ей придется умереть...

Ему надели маску.

Через несколько минут Барро сказал:

– Остановите. Мне здесь больше нечего делать.

Он вышел из машины, которая тут же унеслась прочь, и сразу увидел паб.

Естественно, лукового супа в меню не было.

* * *

С моря дул легкий бриз, и Мария Ландау плотнее запахнула пальто. Набережная была пуста. Набережная всегда оказывалась пуста, когда Марии хотелось побыть одной. Она любила свое одиночество, пестовала его, иногда просто упивалась им. Одиночество значило свободу и независимость. А когда тебе восемнадцать, и то, и другое стоит очень дорого.

Вдалеке показалась фигура мужчины. Он шел навстречу, и так же развевались полы его пальто, и ветер теребил длинные, до плеч, волосы, только не прямые, как у Марии, а немного выющиеся. Девушке вдруг стало холодно и сразу тепло, а потом снова холодно, и мир на миг подернулся дымкой, а потом заиграл красками ярче обычного во много крат... Наваждение длилось несколько секунд – и опять все было как всегда. Мария зябко обхватила себя руками и остановилась, выжидая.

Мужчина приближался. Он был далеко не молод, но еще совсем не стар, и у него оказалось приятное лицо, только подпорченное застывшим выражением легкой насмешки. Пожалуй, если бы не эта гримаса, Мария смогла бы представить такого мужчину где-нибудь поблизости от себя, хотя и не совсем близко. Он был сильным и взрослым, не то что богатенькие недоросли, окружавшие Марию в университете. И он ни от кого не зависел. Еще несколько лет, и Мария станет такой же, как он, независимой. Но, конечно, не такой взрослой. Чтобы стать настолько взрослой, придется набрать чертову уйму опыта. И неприятного опыта будет куда больше, чем приятного, это уж к гадалке не ходи. Впрочем, если верить дяде Давиду, Мария сама отличная гадалка. Вечно Давид смеется – какая жалость, что Мария не торгует своим умением предсказывать... А она не хочет.

Мужчина подошел вплотную и остановился, бесстыдно разглядывая Марию все с той же гримасой насмешки. Мария в ответ присмотрелась и поняла: это не гримаса, а просто такое строение лица. Ну... Можно привыкнуть, если потребуется.

– Вы чертовски хороши собой, – заявил мужчина. – И совершенно не склонны к полноте.

– Интересный способ знакомиться, – сказала Мария. – Впрочем, вы правы, я к полноте не склонна, чего нет, того нет.

– Габриель Барро, – представился мужчина. – Свободный художник.

– Мария Ландау. Богатая невеста.

– Вредная профессия! – рассмеялся Барро. – Давид сказал, вы здесь бродите в одиночестве, и я рискнул потревожить вас. У меня поручение деликатного свойства.

– Догадываюсь, – сказала Мария, сама не понимая, что имеет в виду. Но она и правда догадывалась – это человек из прошлого.

Барро молчал.

– Иногда дядя Давид находит людей, которые помнят моих родителей и могут рассказать о них. Обычно самую малость, но хоть что-то... Я называю таких визитеров «люди из прошлого». Надеюсь, это вас не оскорбит.

– Ах вот какое дело... – протянул Барро. – Ну естественно. Разумеется. Там же была катастрофа, тайфуном сдуло целый остров и, в общем, смыло в море кусочек человечества со всей памятью о нем. Трудно найти тех, кто помнит, и многого от них не добьешься... Как, вы сказали, звали ваших родителей? Эгон и Роза?

– Эгон Эрвин и Роза-Мария Ландау... – пробормотала Мария в легком замешательстве. Пока еще этот человек не пугал ее, но сейчас она была готова испугаться. Ей не нравилось, как изучающе он на нее смотрит. Плевать, что он раздел ее взглядом, но нельзя же раздевать до самых костей, до оголенных нервов.

– Вам было пять лет, у вас была амнезия от долгого пребывания в холодной воде и общего шока, – продолжал Барро. – Амнезия так и не прошла, да, собственно, много ли помнит такая

кроха?.. Хорошо, что Давид достал портреты Эгона и Розы. Это он молодец. А Роза была чертовски хороша собой. Только склонна к полноте. Вечно сидела на диете. «Ах, мальчики, не надо при мне про спагетти...»

Мария отступила на шаг. Ей хотелось убежать. И опять было холодно, очень холодно.

– Да и Эгон был видный мужчина, – сказал Барро. – Ранняя лысина даже шла ему. Он превратил свой недостаток в элемент стиля, а это, согласитесь, не каждому дано.

– Чего вам надо? – спросила Мария срывающимся голосом. – Зачем вы здесь?

– Говорю же, у меня поручение деликатного свойства. Видите ли, тринадцать лет назад вы потеряли это. – Барро поднял руку, между пальцами что-то блеснуло. – И я сейчас должен решить, отдать вам эту вещицу или...

«Чип», – хотела сказать Мария, но голос окончательно сел, и она только страдальчески всхлипнула. К глазам подступали слезы. Держась со всем возможным достоинством, Мария откашлялась и отступила еще на шаг. Потом еще. Это казалось правильным.

Барро не трогался с места.

– А что, если я вызову охрану? – сказала Мария задумчиво. – Они заберут эту штуку, а вас отправят туда, откуда вы пришли.

– Вызывайте, – равнодушно ответил Барро. – Я человек деловой, работаю за деньги, жизнь моя бедна развлечениями. Тревожная кнопка у вас в правом кармане, жмите без церемоний, буду только рад. Давно не стрелял по движущимся целям.

– Вы наемный убийца?! – выдохнула Мария.

– А чего вы сразу так обрадовались?

– Кто? Я?!

– Ну да. Вы бы себя видели. Между прочим, в работе наемного убийцы романтики ни на грош, и люди в эту профессию идут скучные. Трезвый расчет, скрупулезность, дотошность на грани педантизма. Никогда они мне не нравились. И вам не понравятся, честное слово. Вот, к примеру, как вам Давид?

– Я очень люблю дядю Давида, – сообщила Мария надменно.

– И он вас тоже очень любит. Но согласитесь, он же невыносимо скучный человек.

– Ну... – Мария опустила глаза и принялась рассматривать узорчатые плиты набережной. Она их сама выбирала, дяде Давиду такое доверить нельзя. Если честно, все поместье было выстроено по ее проекту, Давид только кивал и соглашался. Повезло, что тетя Сара такая лапочка и принимает дизайнерский талант Марии как нечто само собой разумеющееся. Другая бы убила просто из ревности.

– А вы, значит, не скучный, – сказала Мария, нервно поглаживая тревожную кнопку в правом кармане. – И кто вы тогда?

– Свободный художник. А ваш отец называл себя писателем-профессионалом. И всегда добавлял: дорого. Шутник был.

– А мама?

Барро помедлил с ответом. Сделал пару шагов, подойдя к Марии вплотную. Она не отодвинулась. Барро стоял так близко, что она чувствовала его дыхание на своем лице. Было очень страшно и... Хотелось еще.

– Я смотрю на вас и жалею, что ваша мама была не такая... – сказал он наконец.

– А какая я? – спросила Мария, задыхаясь.

Ноги у нее подкашивались, внутри все горело. Она чувствовала себя так, словно ей только что отменили смертный приговор. Хотелось прыгать до неба и спать одновременно. Еще трахаться. Да хоть вот с этим негодяем – повалить и изнасиловать. А потом убить за все, что он с ней сделал. Это ведь он ее изнасиловал ментально. Выжал как губку. Кто он, черт побери?!

– ...И даже жалею, что я старше вас на тридцать лет. Впрочем, это безумие. Вы дочь Эгона. Все равно что хотеть собственную дочь.

– Так какая я? – спросила Мария.

– Нормальная, – сказал Барро очень жестко, будто поставил диагноз. И добавил непонятно и сурово: – Значит, будете жить...

Выдержал паузу и закончил:

– Долго и счастливо.

Он протянул ей руку. Крошечный чип лежал на ладони, и Мария осторожно взяла его.

– Конечно, надо учесть, что вы патологически везучи, – сказал Барро. – Все обычно бывает именно так, как вам хочется, верно? Но это, на ваше счастье, ненаказуемо. Просто удача. Некоторым, знаете ли, везет. А остальным – не очень.

Мария крепко зажала чип в кулаке. Наваждение прошло, страхи отступили, все опять было просто и ясно. И Барро уже не пугал ее совершенно. Хотя по морде она ему съездила бы – за все хорошее. А потом поцеловала бы. И они стали бы друзьями. Но можно дружить и так, без церемоний. Обойдется без поцелуя, не развалится, пижон лохматый.

– Пойдемте со мной, – сказала она. – Я налью вам выпить. Потом мы сядем у камина, и я буду читать, что тут записано. А вы мне расскажете все остальное.

Барро нерешительно почесал в затылке.

– Спасибо, конечно, – сказал он. – Но тут поблизости есть заведение, где прекрасно готовят французский луковый суп. Знаете таверну у развилки? Вот я лучше там посижу часок-другой. А вы если решитесь – приходите, тогда и поговорим. Не хочу лишний раз встречаться с Давидом.

– Потому что он скучный человек?

– Нет, это я еще могу вынести. Но Давид когда увидел меня сегодня, то с ходу предложил десять миллионов и долю в бизнесе. Десять миллионов он давал за то, что я вас, извините, не пристрелю. А долю – если пойду к нему советником. Давид упорный, просто так не отступит. Если он снова будет звать меня на работу, я наверняка сорвусь и покажу ему свой коронный удар в горло. А удар этот у меня получается все лучше и лучше, некоторых приходится лечить... Я понятно излагаю?

– Но вы не убили меня бесплатно, – сказала Мария, поражаясь тому, как легко говорит такие дикие вещи.

Барро кивнул.

– И служить у Ландау не хотите... Как-то это не вяжется с заявлением, что вы работаете за деньги!

– Я ведь не просто художник, а свободный художник, – сказал Барро. – Тот, кто решает сам, кого защищать и кому служить. Что, богатая невеста, завидно?

– Да ну вас! – Мария рассмеялась и подумала – а ведь он прав, очень прав. Что-то он знает о жизни такое, чему бы стоило научиться.

– Значит, Мария, два часа я жду в таверне. Приходите. Если, конечно, не боитесь услышать, как я из-за вас потерял близкого друга и как ваш отец убил близкого друга – тоже из-за вас. И как Абрам Ландау, рискуя жизнью, спасал маленькую девочку, пока ваша мама отбивалась в одиночку в окружении, и мы не могли ей ничем помочь... Я расскажу, почему у вас стерта память. И почему Шестую Миротворческую Бригаду зовут Истребительной. Добро пожаловать во взрослый мир... Элеонора-Мария Де Леон Кнехт.

– Такое имя... Трудно будет запомнить... – прошептала Мария.

– Еще труднее будет поверить, – пообещал Барро.

Он повернулся и, не прощаясь, ушел вдаль по набережной.

Мария глядела ему вслед и думала – интересно, что он скажет, если она сейчас уронит чип и разотрет в пыль каблуком.

Просто уронит и наступит. Потом надо будет сильно нажать и повернуться. И все.

Истребительная Бригада убивала мутантов. Вот такие яркие и красивые люди, как этот Барро, – убивали. Искали, преследовали, загоняли, убивали. А скучный дядя Давид всю жизнь выручал несчастных. Спасал. И на чьей стороне были ее родители, тоже яркие и красивые люди, – непонятно. Пока непонятно.

Мария разжала кулак. Маленький чип скрывал большую тайну. Не станет его – не станет и тайны, Барро ничего не сумеет доказать. И он не заставит ее слушать.

Мария стояла, Барро уходил. Как он ее назвал? Одна фамилия похожа на испанскую, другая на немецкую. И никаких Ландау в помине.

Она незаметно опустила чип в карман и представила, как роняет его и топчет. Представила так ясно, что совершила это движение – рукой, потом ногой и всем телом. Стальная подковка звонко клацнула... Матерь божья, неужели она и правда сделала это?!

Барро уходил все дальше.

Мария шарил в кармане. Ох, ну конечно, чип на месте. А Барро знай себе вышагивает. Не попался. Не проймешь его такими фокусами. Убила бы.

– Да стойте же! – закричала она. – Погодите!

Его надо удержать. Вдруг он обманет и не пойдет в таверну? И плевать, что он грозился показать дяде Давиду какой-то там удар. Дядя сам может врезать. Пускай отдубасят друг друга, обоим будет полезно.

Крепко вцепившись в чип и размахивая свободной рукой, Мария бежала по набережной.

Далеко впереди Барро, продолжая идти, читал ее простенькие мысли и думал: а ведь мог бы взять десять миллионов – уйма денег! – растоптать чип прямо у Давида в кабинете и уйти. Исполнить мечту Розы – все забыть. И девки этой, совсем не склонной к полноте, в глаза не видеть. И никаких проблем с совестью.

Мог? Или нет?

Невольно Барро прибавил шаг.

С другой стороны, подумал он, девица-то на самом деле славная. Не дура, красотка и действительно богатая невеста, а у меня сын редкий симпатяга и такой же, в общем, балбес, они друг другу сразу понравятся.

Эта мысль заставила его слегка притормозить.

Хотя наследственность у Марии, признаем честно, жуткая. Мало ли, что она каким-то чудом не мутант! Но какие демоны кроются у нее внутри, помимо уникальной везучести? Мамина неуправляемость вкупе с разгильдяйством и дикой самоуверенностью. Папина упертость, агрессия и в то же время душевная ранимость. Прямо Молотов-коктейль.

Да, но мой-то взглядом уже не ложки гнет. Он такое загибает, что только держись. Весь в отца. И совсем не хочется гнать его пинками в Шестую Бригаду: ничему хорошему парня там не научат. А придется.

Как все трудно. Роза любила меня, я не любил ее. Потом она влюбилась в Эгона, но он не пошел за ней в бега – и она стерла ему память. Потому что заботилась о нем. И Марии стерла память по той же причине. А Эгон заботился обо мне. А мне придется заботиться о Марии – то есть для начала наврать ей с три короба о родителях. И жить с этой ложью до конца своих дней. Давид тоже о ней заботился и тоже врал. Надо будет все-таки показать ему мой удар в горло. Просто чтобы поменьше задира л нос.

Почему я не взял деньги, ну почему, думал Барро. Мне сорок восемь, мне все надоело до чертиков, я же не потяну такую обузу...

Мария налетела на него сзади, вцепилась в рукав и повисла.

– Хорошо, что ты выросла не толстая, – сказал ей Барро уныло. – А то бы рукав оторвала. Эх, Мария, представь только, мне сорок восемь лет! И вчера было, и завтра будет. Опять сорок восемь. Кругом сорок восемь. И самые яркие дни позади, и самые красивые дела. Ничего

нового. Что бы ты мне ни сказала, я это уже слышал. Что бы ни показала – я это видел. Тоска – застрелиться в пору...

– Пить надо меньше! – посоветовала Мария, точь-в-точь воспроизводя интонации Эгона Эрвина Кнехта.

Барро глухо застонал и крепко зажмурился.

У себя в кабинете Давид Ландау выключил монитор слежения и устало откинулся на спинку кресла. Он привязался к Марии как к родной, без всяких задних мыслей, и страшно боялся, что Барро ее пристрелит. А Барро по-прежнему обожал запугивать людей и, в свою очередь, поиздевался над Давидом всласть... Но теперь дело приобретало интересный оборот. По надежной информации, у отставного нюхача очень талантливый сын, мутант. Мальчику всю жизнь нужно будет прикрытие. Самый простой вариант – Шестая Бригада, но вряд ли эта перспектива сильно радует Барро. Тем временем концерн Ландау набрал такую силу, что сможет защитить любого. И предоставить ему огромные возможности. Концерну Ландау не впервой уговаривать талантливых молодых людей. Но можно сделать проще – познакомить младшего Барро с Марией. Вдруг повезет? Девочка спит и видит, как бы избавиться от опеки. И при всей взаимной любви унесет из дома кучу денег. Но зачем ей уходить, если ее мужчина работает на Ландау? А мутанты умеют привязывать к себе партнеров. Они дружат насмерть и любят до гроба. Им это необходимо. Им ведь очень трудно жить. Оставшись наедине со своим даром, без семьи или без команды, что примерно одно и то же, одинокий мутант постепенно сходит с ума и рано или поздно начинает призывать смерть. Так погибла мать Марии. Фактически убила себя, хотя и сопротивлялась до последнего вздоха. Бедняжка родилась с душой и характером одиночки, и ее конец был предreshен, едва она попала в Богом проклятую Шестую Бригаду.

Нет, пускай у этого парня все будет хорошо. И у Марии. И у нас все будет хорошо!

Давиду казалось немного стыдным так оценивать события, но тем не менее день выдался прибыльный.

Он сэкономил десять миллионов, и намечается очень интересный гешефт.

...Не-ет, подумал Барро, ударом в горло этот пройдоха не отделается. Прямо следом я покажу ему коронный удар Эгона в глаз! Получится хороший задел для переговоров. Мне Давид предлагал три процента, а за своего парня я сдору все пять.

Тридцать сребреников, говорите? Не-ет, ребята.

Это только ваш Иуда мог так продешевить.

Мы ведь за эти деньги – работаем.

Евгений Лукин

Время разбрасывать камни ⁶

*А между тем через бездну пространства на Землю
смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым
бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько
мы превосходим вымерших животных...*

Герберт Уэллс

За Волгой для нас земли нет!
Снайпер Зайцев

При виде едущей навстречу тачки (нет, не автомобиля – тачки в исконном значении этого слова) гадюка дёрнулась вправо, влево и, уразумев, что бежать некуда, поспешно свернулась в сложный пружинистый узел, изготовилась к броску. Молоденькая, полуметровая. Особенно трогательно выглядел хвостик, которым она угрожающе постукивала по утопанной до глянца грунтовке. Честно предупреждала, что голыми руками не возьмёшь.

– Ну! – сказал Георгий, останавливая тележку. – А дальше?

Дальше гадючка сообразила, что ей дают шанс, и, метнувшись к левой обочине, попыталась перехлестнуть насыпь с разгона. Не удалось. Кинулась ещё раз – и опять съехала на дорогу. В панике обернулась к Георгию и, вновь приняв боевую позицию, принялась нервно постукивать хвостиком.

– Нужна ты мне! – хмыкнул тот. – Змееборца нашла...

Отпустил рукоятки и огляделся, высматривая прутик подлиннее – подсадить. Прутика поблизости не оказалось, а юная рептилия тем временем сумела-таки с третьего раза одолеть, прямо скажем, невеликое препятствие. Извилисто шевельнулись за обочиной белобрысы выгоревшие до пунцовых оттенков сорные колоски. Овсюг какой-нибудь...

– И больше, смотри, на дорогу не суйся, – строго посоветовал вослед Георгий. – Тут покруче тебя гады ползают. Расплюшат – и не заметят.

Впереди, над песчаными буграми, поросшими кое-где быльём, давно уже показался город. Запросто можно было вообразить, будто до него час ходьбы. Однако ещё полсотни шагов – и впечатление это исчезнет: за песчаной грядой блеснёт Волга. Естественная преграда, глядя на которую опять-таки можно потешить себя иллюзией, что цепкие щупальца с того берега до тебя не дотянутся.

По сути, город давно уже принадлежал чужим, хотя далеко не все об этом знали, полагая события последнего времени просто стечением обстоятельств или даже карой за грехи. Словно бы подёрнутый тончайшим сизым пеплом, он смотрелся отсюда точно так же, как десять – пятнадцать лет назад, если, конечно, не сосредотачиваться на скелетах невероятных, нечеловеческих конструкций, вознёсшихся недавно над людским жильём.

А ведь пока их только ещё монтируют. Как же они будут выглядеть в готовом виде?

Впрочем, не надо о грустном. Сосредоточимся на милом сердцу занятии.

Давным-давно, задолго до нашествия, как раз напротив дачных посёлков набежала на мель баржа с камнем. Так, во всяком случае, рассказывали. Чтобы сняться, пришлось разгрузить её прямо на мелководье. Год от года Волга мыла камушки, шлифовала с песком. Сначала Георгий, приходя купаться, просто подбирал приглянувшиеся голыши и складывал на участке горкой. Потом придумал мостить ими дорожки.

⁶ Взаимосвязан с повестью Леонида Каганова «Гамлет на дне». См. сборник «Спасти Чужого».

Хорошо, когда есть чем отвлечься. Камушек к камушку – так и забудешь, хотя бы на время, о том, что нас всех ожидает в ближайшем будущем...

Препятствие подкралось незаметно. Не вскинь он вовремя глаза, так бы и въехал тачкой в перегородившие грунтовку двустворчатые ворота, наспех сваренные из кусков арматуры. В обе стороны от неведомо когда возникшей преграды по песчаным буграм разбегалась колючая проволока. А на самих воротах висел замок.

– Что за хрень? – пробормотал Георгий, озираясь.

По ту сторону ограждения близ решётчатых врат утвердилась на диво обшарпанная будка, уже окрашенная на треть мерзкой краской рептильного гадливо-зелёного цвета.

– Эй! А люди тут есть?

Молчание. Хотя какие-то шорохи и постукивания из-за будки слышались. Решив не церемониться, Георгий достал из матерчатой сумки железный совок, которым выкапывал увязшие в песке голыши, и с маху грянул им по арматурине. Потом ещё раз.

– Погреми мне там, погреми, – отозвался знакомый шамкающий голос, а минуту спустя из-за будки показался и сам Евсеич. В укапанных краской кроссовках, в камуфлированных штанах с подтяжками и в соответствующей штанам панамке. На бурой от загара старческой груди расплзлась самосевом седая поросль. В морщинистой испещрённой зелёными чешуйками ручонке, напоминающей лапку некрупного динозавра, – плоская малярная кисточка.

– Ты теперь сторож тут, что ли? – поздоровавшись, озадаченно спросил Георгий.

В ответ пенсионер величаво наклонил пятнистую свою панамку. Водянистые прозрачные глаза строги, губы поджаты. Сразу видно, при должности человек.

– Ну, открывай тогда...

– Не имею права, – с достоинством отвечал беззубый Евсеич.

– Я ж не на машине! Или тут и с тележек плату брать будут?

– Приказано никого не пускать, – помедлив, с расстановкой известил Евсеич.

– Как никого? – ошалел Георгий. – А купаться пойдут?

– Никого, – подтвердил Евсеич.

– Погоди! Кто приказал?

Мог бы и не спрашивать. Приказ был явно нелюдской. Кроме того, на левом столбе ворот обнаружилась временно приютившаяся там табличка, поясняющая на трёх земных языках, кому теперь принадлежит территория. Ну вот и до левобережья добрались. Чуяло сердце.

– Неужто и берег оттяпали? – У Георгия даже голос упал. – Это ж муниципальная собственность...

– Ну вот, стало быть, муниципалитет и того... и уступил...

Уступил... Георгий стиснул зубы. Да он давно уже нас всех им уступил. С потрохами...

– Что ж, и к Волге теперь не выйдешь?

– Почему? На пристань дорогу оставили...

Тем часом из-за будки показалась супруга сторожа, огромная коренастая карга. И тоже с помазком.

– Что? Отъездил за камушками? – ликующе приветствовала она Георгия. – У, злыдень! Весь берег к себе на участок перетаскал. Шиш теперь поездишь...

Лицо её, и без того исковерканное жизнью, а теперь вдобавок радостно ощеренное, вызывало такую неловкость за род людской, что Георгий не выдержал, опустил глаза. Несколько секунд непонимающе смотрел, как по отлогому склону ползёт жучок, оставляя на сухом песке узор, напоминающий след крохотной велосипедной шины.

– Дорожки он мостит... Погоди! Ещё и то, что упёр, вернуть заставят... Это тебе не свои!

Георгий очнулся и, пропустив мимо ушей выпад старой язвы, взглянул в лицо сторожу. Тот моргнул. Как перед оплеухой.

Оплеуха последовала, но в устном виде.

– Евсеич! Ты ж им жаберные щели порвать грозил! Земля, говорил, гибнет, Родина гибнет... А теперь? Сам, выходит, нелюдям служишь?

Старикашка опешил, почти устыдился.

– Да?.. – визгливо отвечала за супруга карга с помазком. – А жить на что? Много ты на пенсию проживёшь! Нелюди... Бога за таких нелюдей молить!

И Георгий вновь оглядел с тоской бредовые конструкции, фантастические создания чуждого разума, встающие над сизыми контурами города.

«Да, вот так, – подавленно мыслил он. – Ещё и бога за них молить... Кто бы нас ни мордовал – возлюбим до самозабвенья. То царю-батюшке задницу лизали, то вождю всех времён и народов, то законно избранному Президенту... А чем, скажем, хуже клоака марсианина?»

Разумеется, к Марсу чужие никакого отношения не имели, но, с другой стороны, какая нам разница, откуда они заявились...

– Евсеич, – позвал Георгий. – А что ж у тебя колючка такая жидкая – в две нитки?

– Доплетать будем...

– Так это когда ещё будет! Дырявая граница-то, а, Евсеич?

В младенчески-прозрачных глазах ворохнулся испуг.

– Нельзя, – беспомощно сказал сторож.

– Да ладно тебе – нельзя! Чего тут мудрёного? Верхнюю проволоку оттянул, на нижнюю наступил... Хочешь, научу?

– Звони давай! – заполошно закричала на мужа сторожиха.

– Не надо, не звони, Евсеич, никуда, – успокоил Георгий. – Я человек мирный, законопослушный. Велено повернуть оглобли – поверну. А вот в выходные... – Он приостановился, предвкушая. – Прикинь: попрутся дачники на Волгу – толпой, на машинах, да ещё и гости к ним наверняка понаедут... Они ж тебя вместе с проволокой снесут! С будкой и с воротами! В такую-то жару...

Престарелая чета переглянулась со страхом. Тоже, видать, вообразили.

– Да я им говорил уже, – чуть ли не оправдываясь перед Георгием, жалобно взывал Евсеич. – К субботе вооружённую охрану обещали...

– Сами явятся или так, людей пришлют?

– Людей... – стонуше отвечал Евсеич.

– Жаль... А то давненько я на них не любовался, на уродов...

Прищурился со вздохом на песчаные бугры, из-за которых никогда уже не блеснёт полуденная Волга, – и, развернув порожнюю тачку, молча покатыл её прочь. Карга вопила вослед что-то обидное, но Георгий не вслушивался. Горло перехватывало.

Братья по разуму... Каин с Авелем... Но умные, умные твари, ничего не скажешь. Если вмешаться самим – это, не дай бог, в человеческой кровушке замараешься. А так – побили аборигены аборигенов. Что с них взять, с приматов недоразвитых...

Пойма отдыхала, отходила помаленьку от страшной прошлогодней засухи. Никогда такого не бывало, даже старожилы не упомнят, чтобы весной вода не пошла в озёра и ерики. Не пошла, однако. Закованные в броню запёкшейся ряски пруды мелели под истошные причитания лягушек, дачники, оставшись без полива, спешно принимались бить скважины, чем напоследок обогатили буровиков. В садах-огородах ещё так-сяк, а в самой пойме осень наступила в конце июля. Желтели тополя, становились прозрачны до срока. Появились невиданные в наших краях птицы – не иначе, обитатели полупустынь. Пересыхая, илистые водоёмы обращались в подобия пепельных лунных кратеров. Апокалипсис, братцы, конец света.

Причина была известна: плотина сбросила воду в недостаточном объёме. О том, почему она так странно поступила, сильно спорили, выдвигали самые подчас невероятные объяснения,

но сходились в одном: без чужих не обошлось. Знаем, знаем, откуда ноги растут! Извилистые, с присосками.

Большинство уверяло, будто всё дело в энергии. Они ж её, по слухам, мегаваттами жрут! Вот, стало быть, и дали установку: через шлюзы воду не гнать – гнать только через турбины.

Георгию версия казалась сомнительной. Сам он был убеждён в другом: чужаки просто-напросто хотели согнать людей с насиженных мест. Потом увидели, что здешние обитатели – народ упорный, и сами испугались. Один год без воды дубравы и рощи выдержат, восстановятся, а вот пара-тройка лет – это уже не шутка. Ну и кому нужна зона экологической катастрофы?

Так или иначе следующей весной вода в ерики хлынула – и держали её довольно долго. Надо полагать, решили сменить тактику. Да что там полагать! Уже сменили...

Стало быть, прощай, Волга, прощайте, картавые звонкие чайки, ребристый песок на мелководье – как отпечаток Божьего пальца, ящеричная сетка солнечных бликов и лениво клубящиеся на обрывчатом берегу отражения волн... Теперь любуйся на всё это издали, с борта пароходика... при условии, что хотя бы пристань уцелеет. А на пляжах и отмелях будут теперь колыхаться влажные коричневые туши чужих...

Георгий остановил тачку возле бара – так пышно именовался бетонный квадрат под жестяным навесом, прилегающий к строению из белого кирпича. Архитектурно оно и само напоминало кирпич с окнами, дверью и реликтовой надписью «Магазин». Эх, где вы, невозвратные светлые дни, когда магазины ещё назывались магазинами, тачки – тачками, люди – людьми...

Торговая точка была обнесена тонкой металлической оградой, которую от великого ума додумались выкрасить серебрянкой. Кладбищенские мотивы. Как раз под настроение.

Продавщица на точке правила новая. Этакая малость перезрелая хуторская красавица. Лёгкая мордастость в сочетании с сильной глазастью.

В другой бы раз смена власти за прилавком огорчила Георгия – новые всегда не доливают. Чтобы доливали, надо познакомиться, подружиться, бывает даже, что и переспать. Беспрекословно приняв высокую пластиковую посудину, добрая треть которой была заполнена пеной, мрачновато-задумчивый, он присоединился к двум другим человеческим особям, что сидели под жестяным навесом, причём каждый за своим столиком, полуотворотясь друг от друга. Один – Володька из «Початка», второго, одетого не по-дачному, Георгий видел впервые. И сто лет бы ещё не видел. Холёное начальственное рыло, надменные оловянные гляделки. Самоуважение, как говаривал опальный ныне классик, титаническое.

Георгий поздоровался. Володька, ясное дело, ответил. Второй спесиво промолчал. Ну и чёрт с тобой!

– А чего это ты порожняком? – подначил Володька. – Камушки кончились?

Внешность ему явно досталась в наследство от татарских оккупантов: был он смуглый, скуластый, смолоду высохший в корешок и с тех пор уже не меняющийся...

А может, переживём, а? Татар-то вон пережили... Хотя что татары? Татары – люди...

– Да, – отрывисто сказал Георгий. – Кончились.

Пена в пластиковой посудине оседала издевательски медленно. Не дожидаясь, пока пиво согреется, хлебнул, утёрся.

– Спруты! – проклокотал с ненавистью.

За соседним столиком шевельнулись.

– А кого это вы – спрутами? – неприязненно поинтересовались оттуда.

Ишь! Правда-то глаза колет. Не иначе сам на них работает. За хозяев обиделся...

– Уродов, – любезно пояснил Георгий.

– А уродами? – хищно спросил оловянноглазый.

– Спрутов.

Володька, встопорщив в улыбке рыжеватые прокуренные усы, поглядывал с любопытством то на одного, то на другого.

– А вы знаете, что вам может грозить за такие высказывания? – помолчав, напряжённо спросил незнакомец.

Георгий пил пиво. На лице его было написано блаженство, под которым, однако, таилось бешенство.

– Ничего, – беззаботно отозвался он, ставя на столик опустевший пластик. – С детства, знаете, не люблю обитателей океанских глубин. Какие-то они все... бородавчатые, склизкие... А что, есть закон, охраняющий честь и достоинство любого головоногого? Так мы ими вроде закусываем... – И Георгий в доказательство шевельнул пальцем лежащую перед Володькой вскрытую упаковку сушёных кальмаров.

– По-моему, вы имели в виду не обитателей океанских глубин...

– Да я много кого имел... – И похабная ухмылка в придачу.

Рыло окаменело.

– Это пошлость, – объявило оно.

«Ну, гад, – стиснув зубы, подумал Георгий. – Сейчас я тебя уделаю...»

– Нет, правда! – с подкупающим простодушием обратился он к Володьке. – Вот господин обвиняет меня в разжигании межвидовой розни...

– Я не обвиняю, – буркнул господин.

– Нет, многие разжигают, – проникновенно продолжал Георгий. – Умышленно внед-
ряют, например, в сознание народа, будто волки поголовно хищники! Да, согласен, встреча-
ются среди них и такие. Но зачем же всех-то под одну гребёнку?

Володька хрюкнул. Господин раздул ноздри.

– А я-то – интернационалист! – оправдывался Георгий. – Даже не интернационалист, а
этот... интер... Как будет «вид» по-латыни?

– А хрен его знает, – лыбясь, сказал Володька.

– Причём не сразу им стал, Володька, не сразу! В детстве, вот те крест, даже монголоиды
мне странными казались. Чужими. Ничего, привык. Люди как люди. Потом негры. Тоже при-
вык. Сейчас, не поверишь, увижу гориллу по телевизору: а что, думаю, человек как человек...
Но не всё же, что шевелится, родней считать!

Оратора прервал полый звонкий стук. Это холёнорылый, в два глотка прикончив банку
«пепси», нервно поставил её на столик. Затем встал и с презрением удалился.

– Кто такой?

Володька пожал плечами.

Георгий взял свою посудину и снова пошёл в магазин.

– Повторите, будьте добры...

И пива ему было отпущено чуть больше, а пены чуть меньше, нежели в прошлый раз.
Возможно, за вежливость. Так вот и налаживаются помаленьку добрые человеческие отноше-
ния. Человеческие. Подчёркнём это особо.

– На Волгу ходил сегодня? – вернувшись, спросил он Володьку.

– Ходил... – усмехнувшись, промолвил тот.

– И как водичка?

– Ничего. Тёплая. Течение только сильное, сносит...

– Погоди! А как ты шёл?

– Обыкновенно. Проволоку приподнял – и там.

– А гуще заплетут?

– Слышь, – с ленивым превосходством сказал Володька. – Ты прям как в армии не слу-
жил. У нас вокруг дивизиона мало того что проволоку – спираль Бруно расстелили. Ковром!

В ней танки вязнут, прикинь! А мы топ-топ, топ-топ – так и протоптали тропиночку. В самоволку по ней бегали...

– В субботу охрану поставят, – хмуро сообщил Георгий.

– Ну не по всему же периметру, – резонно заметил Володька. Потом добавил сочувственно, как бы извиняясь: – А вот тебе – да... Тебе труднее. Тачку по песку не пропрёшь...

Всё-таки неунывающий мы народ, люди. Обжимают нас, обжимают, а мы хорохоримся, подмигиваем задорно. Правда, и обжимают умело: неспешно, исподволь, ни в коем случае не лишая надежды. Придавят – отпустят, потом опять придавят, чуть посильнее. Ничего. Выкрутимся, думаем...

Фиг теперь выкрутимся!

– Знаешь, кто мы такие? – сдавленно спросил Георгий. – Реликтовые гоминоиды...

– Кто-кто? – оторопел Володька.

– Про снежного человека слышал?

– Ну...

– Ну вот это мы с тобой и есть. Вытеснят нас в горы, в болота. Кто послабее – вымрет, кто повыносливее – одичает, шерстью обрастёт... Вместо бара этого смонтируют какую-нибудь хрень феерическую... неземную...

Георгий бы говорил ещё долго, но помешали обстоятельства.

– Гля! – прерывая унылое словоизлияние, сказал Володька и привстал. – Вроде сами пожаловали... Кара-катицы!

Георгий обернулся. Из-за осиновой рощицы выплыло нечто сплошь белое от бликов и обтекаемое, как обточенный Волгой голыш. Было оно размером с маршрутку, может быть, чуть пошире, и, казалось, парило, не касаясь полотна дороги. Двигаясь плавно, как бы нехотя, нездешний механизм тем не менее словно по волшебству вырастал на глазах. Георгий уже различал, что корпус его чёрного цвета и вроде бы монолитный, без смотровых отверстий.

Ну вот теперь полная гармония: серебряная кладбищенская оградка и чёрный катафалк...

Даже когда асфальт кончился (шоссе до магазина не дотянули, и оно завершалось дразнящим извилистым языком), чужая машина скорости не сбавила. Что ухабы, что магистраль – им всё едино.

Устройство поравнялось с баром. На секунду Георгию померещилось, будто глянцево-траурный борт стал на миг полупрозрачен – проглянули сквозь него шевелящиеся позмеиному щупальца и студенистые осьминожки глаза, равнодушно скользнувшие по убогому жестяному навесу, по двум приматам-самцам за белым пластиковым столиком, по возникшей в дверях самке, тоже вышедшей посмотреть на разумных существ...

Богатое воображение.

– Боевой тренажник после ампутации, – язвительно выговорил Георгий, когда машина пришельцев скрылась за углом кирпичеобразного строения из белого кирпича.

– Берег смотреть поехали, – понимающе заметил Володька. – Конечно! У них-то у самих, говорят, земля – шлак, воздух – отравка... А тут рай земной...

– Знаешь, – признался Георгий. – Ну вот наведи они на нас лазеры с орбиты, прямо скажи: уматывайте, а то сожжём...

– Лазеры – это агрессия, – возразил Володька. – За лазеры на них вся Земля возбухнет. А так – мирное сотрудничество...

– М-да... – Георгий усмехнулся с горечью. – Стало быть, скорее Саймак, чем Уэллс...

Володька поглядел вопросительно.

– У Саймака тоже ведь войны миров не было, – со вздохом растолковал Георгий. – У него пришельцы, представляешь, втихаря Америку скупали. В розницу. Без шума и пыли...

– Похоже... – кивнул Володька.

– Да не совсем! В Штатах изволь с каждым американцем торговаться. У нас проще. Зачем тратиться на весь народ, когда можно взять и купить начальство... И ведь порядочными прикидываются, Володька! Дескать, людских законов не нарушаем... Конечно, чего им нарушать, если все законы под них теперь писаны!

– У нас – законы? – поразился тот. Тряхнул башкой, оглянулся. – Гал! Налей-ка ещё пивка...

Перезрелая хуторская красавица, которую, оказывается, звали Галой, кивнула и, забрав со стола стаканы, скрылась в дверях.

Совпадение, конечно, и всё же после появления чёрного механизма местность будто вымерла. Три пыльные сбегающиеся к магазину дороги опустели. Хотя, возможно, они и раньше были пусты, но тогда это как-то не бросалось в глаза.

Для продавщицы внезапное безлюдье означало краткую передышку, и, принеся жаждущим пива, глазастая Гала под села к столику третьей.

– Слышали уже про «Княжну»?

– Неужто всплыла? – мрачно сострил Георгий.

Его не поняли.

– Ну, та, Стенькина... – вынужден был пояснить он. – «И за борт её бросает...» Говорят, перед концом света всплыть должна.

– Тыфу ты! – Гала досадливо махнула на шутника ладошкой. – Я про турбазу «Княжна».

Про турбазу Георгий кое-что слышал, вернее, не столько про саму турбазу, сколько про её владелицу, роскошную даму, и впрямь державшуюся по-княжески. За глаза её звали мадам Ягужинская. Именно так – в два слова. В делах она, по рассказам персонала, была непреклонна до беспощадности, а слабость имела всего одну: запала на отставного офицера, не полностью реабилитированного после пребывания в горячей точке. Взяла в мужа и нянчилась с ним самозабвенно. Смазливенький, на девять лет моложе супруги, но, во-первых, со сдвигом, во-вторых, лютый бабник, в-третьих... Да там и в-третьих было, и в-четвёр-тых, и в-пятых...

Поступив на содержание, недолеченный защитник отечества воспринял это как заслуженную боевую награду и пустился во все тяжкие. Семейная жизнь странной пары складывалась, по слухам, увлекательно, с достоевщиной, с битьём посуды, с обоюдными истериками, рыданиями, примирениями и прочим.

Мадам Ягужинскую Георгий лицезрел неоднократно, каждый раз поражаясь её невозмутимой величавости, а вот что касается супруга, то с этой легендарной личностью ему встретиться так пока и не довелось. Правда, в баре не раз указывали издали на каплевидную иномарку жемчужного оттенка, на которой доблестный бездельник носился по округе в поисках приключений.

– Так что с турбазой?

Гала легла тяжёлой грудью на пластиковый столик и, став ещё глазастее, прерывисто зашептала:

– Предложили продать... И за такую цену, что смех один...

– Кто?

– Ну кто... – Она вскинула кари очи, указав ими сквозь жестяную раскалённую крышу бара куда-то, надо полагать, в глубины космоса.

– Сами?!

– Не знаю, врать не стану. Да через людей, наверно, как всегда. Ну, мадам Ягужинская, конечно, наотрез. Начали грозить...

– Ей пригрозишь! – хмыкнул Володька.

– Она к прокурору, – взахлёб продолжала шептать красавица Гала. – А у прокурора в кабинете...

– Что-нибудь слизистое? – предположил Георгий.

– Не-эт... Ещё они тебе сами светиться будут! Тоже, наверно, их человек... Прокурор извинился, вышел. Будто по делу. А этот повернулся к ней и говорит: «Ну вы что? Ничего не понимаете, что ли? Продавайте за сколько сказано. А иначе даром уплывёт...»

– Ни черта себе! – процедил Георгий.

Володька разочарованно пошевелил бровями, такими же рыжеватыми и прокуренными, как и его татарские усы.

– Я это ещё неделю назад знал...

– И что вчера было, знаешь?

– А что вчера?

– Отбуцкали до полусмерти! За осиновой рощей! В двух шагах от особняка...

– Мадам Ягужинскую?!

– И ещё неизвестно, до полусмерти или... Позвоночник повреждён!

– И кто её?

Продавщица хотела ответить, но не успела.

– Какая тебе разница? – с омерзением бросил Георгий. – Те, кого наняли те, кого наняли те, кого наняли... Будь спокоен, за щупальце не ухватишь. За руку – запросто, а за щупальце – хренушки...

Тут возле серебристой ограды, обрамлявшей серый склеп магазина, остановилась белая «ауди», и Гала, не досказав, поспешила вернуться за прилавком. Мужчины за столиком молчали. Потом в лукавых кочевнических глазах Володьки просквозила какая-то, видать, простенькая догадка.

– Слышь, – брякнул он спроста. – А вдруг это муженёк её уделал?

Да, дожили. Вон какую силу взяли нелюди – шагу по родной земле не ступи...

Георгий закатил тачку в пристроенный к дому сарай (бендежку по-здешнему) и с сожалением оглядел недопомощённую дорожку. Не успел. Чуть-чуть до калитки не дотянул. Опережали, твари...

Значит, будем искать выход. Задумчиво низведя очи долу, побродил по участку – и вскоре выход нашёлся. Когда-то Георгий по неопытности утапливал камушки прямо в грунт, от чего они, стоило ударить ливнем, быстро уходили в землю. Потом умелец усовершенствовал технологию: сначала стал настилать старый рубероид, потом насыпал тонкий слой песка, а по нему уже начинал выкладывать голыши. Но ни в коем случае не на раствор! Сажать такую прелесть на раствор – варварство... Теперь выяснилось, что две первые ученические мощёнки успели притонуть, зарости и так или иначе требовали раскопок. А камушки в них, следует заметить, отборные, штучные, не чета нынешним. Вот их и используем.

Георгий повеселел.

На соседнем участке, скрытом от глаз дебрями запущенного винограда, полязгивало, побрякивало. Никанор Иванович по обыкновению возился со скважиной – перебирал насос.

– Добрый день, Никанор Иванович! – крикнул Георгий.

Сосед был глуховат.

– Жора, ты, что ли?

– Я...

Полязгивания и побрякивания прекратились, потом зашуршало – и поверх низкого заборчика в прогале меж виноградных дебрей показался по пояс Никанор Иванович с двумя деталями в руках. Несмотря на жару, был он в рабочей куртке, надетой поверх блёклой клетчатой рубахи, широкое простецкое лицо (кончик носа испачкан солидоллом) на треть скрыто защитными очками, отдалённо схожими с маской аквалангиста. Потеряв когда-то на произ-

водстве глаз, бывший технолог берёг оставшийся, в прямом смысле, как зеницу ока. Только что картошку в очках не чистил.

Сквозь правое стёклышко на Георгия горестно глянуло поруганное национальное достоинство. Левый, искусственный, глаз соседа, как всегда, смотрел скучающе, чтобы не сказать, цинично.

– Переворот девяносто первого года, знаешь, чьих рук дело? – таинственно и зловеще спросил Никанор Иванович.

– Неужели? – поразился Георгий.

– Ну вот тебе и неужели!

– Вы же раньше на американцев грешили...

– Н-ну... – Сосед замялся. – Одно другому не мешает...

– Тогда уж не рук, а присосок, – заметил Георгий.

– Именно, именно! – вскричал Никанор Иванович. – Правильно ты, Жора, сказал!

Мужик он был хороший, только вот политику чрезмерно любил и патетику. Георгий обтёр ладошкой извлечённый из земли гольщ, почувствовал на нём нечто чужеродное, липкое, скользкое – и чуть не выронил. Слизень. Вот мерзость-то! Сбил щелчком на камни и без жалости растёр подошвой шлёпанца. Слизней Георгий не терпел до содрогания. Почти как чужаков. Всё-таки улитки – они какие-то привычные, родные, а эти – порнографически голые, бесстыдные, всепроникающие... Второй год от них спасу нет.

– Никанор Иванович, вы собственность на землю оформили? – спросил Георгий.

Во-первых, пытался приземлить разговор, во-вторых, действительно хотел кое-что разузнать. Сам он, по лености своей, за переоформление документов даже ещё и не брался. А требовали.

Лицо в защитных очках стало суровым, почти жестоким.

– Нет. Не оформил.

– Почему?

– А вот съездишь разок в Среднюю Ахтубу – вмиг поймёшь почему... Продались! – возопил отставной технолог, потрясая лоснящимися от смазки деталями. – Продались чиновнички наши... Вот помани мои слова: никому ничего не оформят. Чужакам всё отойдёт. Не веришь? Запросто. Есть бумага? Нет! Значит, не владелец... У, м-монстры жукоглазые!

Последняя фраза в устах Никанора Ивановича, отродясь фантастической литературой не увлекавшегося, прозвучала так неожиданно и забавно, что Георгий прыснул.

– Почему жукоглазые?

Сосед насупился.

– Заступаешься, что ли, за них?

– Да не за них, – возразил Георгий, всё ещё не в силах справиться с улыбкой. – За жуков.

Симпатичные насекомые, а вы их вон с кем равняете...

Никанор Иванович крикнул.

– Ну, знаешь, жуки тоже разные бывают... – недовольно заметил он. – Колорадский, к примеру...

Тут же притворился, дескать, некогда ему, и, озабоченный, канул в дебри. Так он поступал всегда, если сбивался с мысли.

Шутку, будто именно чужие привели к власти демократов, придумал и поведал Никанору Ивановичу несколько лет назад сам Георгий, за что был обвинён отставным технологом в политической слепоте и потакании западной пропаганде. Оно и понятно: в ту пору пришельцы, хотя и обозначились уже в наших краях, вели себя относительно смирно. Не в пример южанам и китайцам.

А вот тачку он в пристройку закатил рановато. Не в руках же таскать камушки до калитки... Георгий двинулся было к бендежке, когда в зарослях вновь зашуршало, даже захрустело – и сосед показался вновь.

– Всё советскую власть ругаем! – запальчиво выговорил он. – Да разве при советской власти они бы сюда сунулись? Армия какая была, а? Сталин бы с этой поганью чикаться не стал... Вот вымрем – узнаем тогда. Да что там вымрем! Уже вымираем...

– Никанор Иванович, – расстроено отозвался Георгий. – Меня-то вам что агитировать? Полностью с вами согласен...

– А! Толку с твоего согласия... – Сосед безнадежно махнул испачканной в солидоле рукой. – Ну не гадюки, а?..

Георгий вспомнил утреннюю встречу с юной рептилией и усмехнулся.

– С гадюками проще...

– Почему за границей их нет?.. – с пеной у рта вопрошал бывший технолог.

– Думаете, нет?

– Да ни одна страна их к себе не пустит! Ни одна!

– Пускают же.

– Да кто их пускает?

– Нам-то с вами какая разница, Никанор Иванович? – устало промолвил Георгий. – Ну не нагрянули бы к нам они... Значит, кто-нибудь другой нагрянул бы. Те же китайцы. Мы ж добыча готовая! Слабое звено...

– Вот потому они и наглеют! – Сосед зашёлся окончательно. – Пока ты и такие, как ты, будут сидеть сложа руки... – Задохнулся, умолк.

– Хорошо, – мрачней, пропустил сквозь зубы Георгий. – Допустим, никто не нагрянул. Тогда бы нас свои же крутые выжили. Нравится вам такой вариант? Лохи мы с вами, Никанор Иванович. Ло-хи...

– Так я и говорю: будь жив Сталин...

«О ч-чёрт! – подумал Георгий. – Ведь не отвяжется...»

Шагнул к заборчику и, оказавшись почти лицом к лицу с разъярённым собеседником, взглянул прямоком в его правый глаз.

От неожиданности трибун умолк.

– Я рад, что не ошибся в вас, Никанор Иванович, – глуховато, с чувством произнёс Георгий. – Мне нужна ваша помощь.

– Что такое? – всполошился тот.

– У меня есть взрывное устройство, – еле шевеля губами, продолжал Георгий. – Но я гуманитарий. А вы технолог. Помогите разобраться.

Слабо отмахиваясь, чуть ли не отрешиваясь, бледный Никанор Иванович пятился от заборчика. Наивный мужик. Всему верит.

– Понимаете, – шептал Георгий. – Сейчас они осматривают берег. А вечером будут возвращаться. Пляж – узкий. С одной стороны склон, с другой – Волга, податься им некуда...

Тут Никанор Иванович уразумел наконец, что его несерьёзный соседущка опять валяет дурака. Даже сплюнул в сердцах.

– Хиханьки тебе! – плаксиво бросил он. – Тут род людской гибнет...

Круто повернулся и сгинул среди листвы. Будем надеяться, на весь день.

Камушков хватило в обрез. Дорожка удалась на диво. Предварительно отмытые в ведёрке голыши, улёгшись один к одному, сияли на солнцепёке голубоватыми плоскими спинками, среди которых встречались подчас и зеленоватые, и чёрные с прожилками, а то и вовсе крапчатые. Красота. Доисторическая баржа, набежавшая когда-то на мель, очевидно, везла самый разнообразный камень.

Мокрый, грязный и счастливый Георгий кинул совок в ведро. Самое время окунуться. На Волгу отныне путь заказан, стало быть, сходим на озеро. Если, конечно, и там ещё дорогу не перекрыли.

Льдистое от тополиного пуха озерцо заметно обмелело. Всё-таки прошлогодняя засуха не прошла для поймы бесследно. Почва жадно вбирала влагу, выпивая водоём снизу. На том берегу невидимая за высоким камышом тёплая компания с поистине казачьей лихостью выводила: «При лужке, лужке, лужке...» Всё правильно. Когда выхода нет и не предвидится, самое время петь народные песни.

Стараясь не касаться скользкого илистого дна, Георгий наплавался вдоволь, а выкарабкавшись на разошедшиеся дровяные мостки, понял вдруг, что не знает, чем теперь заняться. Нет, на даче-то работа всегда найдётся – просто не хотелось.

Огорода Георгий не держал – огурчики-помидорчики проще купить на пристани. Да он, можно сказать, вообще ничего не держал – с тех пор, как овдовел и выпал из этой треклятой жизни. Цветы, посаженные женой, сохранил, деревья, понятно, тоже, а вот грядки сровнял и засеял газонной травой. Похожим образом он вёл себя и в городе. Доставшееся по наследству малое предприятие продал при первом нажиме чужих, совместно нажитую квартиру в центре сдавал, сам обитал в однокомнатке – впрочем, только зимой, а летом перебирался на дачу. Чтобы не одичать окончательно, время от времени подрабатывал переводами и корректурой.

Жил бережливо, иногда доходя до смешного (водку пьём – на спичках экономим), и всё же финансы таяли. Да. Вот так. Конец света ещё не наступил, а деньги уже кончаются.

Рассеянное внимание Георгия нечаянно собралось на шляпке гвоздя, криво торчащего из стены. Сходил за гвоздодёром – и ржавое железо, прокукарекав напоследок что-то вроде: «Умираю, но не сдаюсь», – вылезло, упираясь, из серой от дождей доски. Не так ли и мы сами...

Пойти, что ли, в бар сходить? Тем более повод есть – дорожку закончил...

День был неполивной, народу на участках копошилось немного. Пока шёл до магазина, несколько раз окликнули из-за штакетника. Вопрос задавали один и тот же: «А что это ты без тачки?» Отвечал: «Угнали».

– Кто угнал?!

Многозначительно указывал пальцем в серый от зноя зенит. Они, дескать. Всё они...

Сердечно поприветствовал попавшуюся навстречу зрелую незнакомку с развесистыми бледными боками – и был вознаграждён опасливым «добрый день». Деревенский обычай здороваться с каждым Георгий чтит свято, с удовольствием наблюдая подчас оторопь встречного, судорожно пытающегося вспомнить, где он с тобой мог видаться прежде.

В самом конце улочки пришлось вжаться в забор, давая дорогу бульдозеру. За рычагами сидела сильно татуированная личность, голая до пояса, с сигаретой на губе и, кажется, не слишком трезвая. На запylённой дверце кабины упрямо проступали полужатёртые-полужамазанные слова: «Убей чужого!» Судя по технике исполнения, надпись была делом рук какого-нибудь юного патриота. Осмелели. Заметно осмелели. Раньше предпочитали уклончивое «Убей урода!» Этак скоро, глядишь, дойдём до того, что и впрямь будем всё называть своими именами.

Вскоре воссияла впереди крашенная серебрянкой ограда. Возле входа на территорию магазина приткнулись три легковушки. Под жестяным навесом было уже довольнолюдно. За столиком в центре бетонного квадрата шумно пробавлялись винцом двое задорных визгливых юношей и три басовито матерящиеся девушки. В левом углу бара прихлёбывал извечное своё розливное пиво всё тот же Володька. Словно и не уходил вообще. Столик напротив единолично оккупировал некто неизвестный. Георгий покосился на него мимоходом и невольно задержал взгляд. Молодой бритоголовый красавец сидел, не касаясь позвоночником пласти-

ковой спинки стула, и, выпятив подбородок, смотрел в никуда. Глаза – мёртвые, ртутные. На столе ополовиненная бутылка дорогой водки и рюмка. Ни закуски, ни запивки.

Взяв пятьдесят граммов коньяка и бутерброд с сыром, Георгий, естественно, подсел к Володьке.

– Никак праздник у тебя? – полюбопытствовал тот.

– Праздник. Дорожку домостил... А ты, я смотрю, решил тут навеки поселиться?

– Ага! Навеки! Я уж и на собрании отсидеть успел... Только-только подошёл.

– Шумно было на собрании?

Володька ощерил зубы. Редкие. Желтоватые. Зато свои.

– Помнишь, как лягушки в прошлом году вопили? «Безобразия! Возмутительно! Озеро пересыхает! Надо что-то делать! Переизбрать правление! А то совсем без воды останемся!..» – Лягушачьи интонации вышли у него забавно и очень похоже. – Так и мы. Один к одному. У нас же в «Початке» контингент – какой? Пенсионеры, бабушки-старушки... Но горла-астые...

– А что у вас там пересыхает?

– Ну как... Пелагее Петровне яблони повырубили, Клавдии Сергеевне бульдозером штакетник смяли... Выживают старушек.

– Кто?

– А то сам не знаешь кто! Кто нас отовсюду выживает?

– Что ж у вас, сторожа нет?

– Был. Уволился... Да ты с ним знаком, с Евсеичем. Сегодня, чай, виделись...

Георгий пригубил коньяк, откусил краешек бутерброда и принялся в задумчивости жевать. Жевал долго.

– Ума не приложу, что бы мы делали без чужих... – искренне поделился он наконец. – Что ни случись – чужие. Озеро пересыхает – чужие. Яблони вырубили – чужие. Раньше-то и свалить было не на кого...

– А сионисты? – ухмыльнулся Володька.

– Да кто их видел когда?

– А этих кто когда видел? Мы вон их с тобой много сегодня видели?..

Внезапно Володька замолчал. Хитрые татарские глазёнки стали как-то по-особенному пристальны и, пожалуй, тревожны. Георгий оглянулся. Одна из шумных девушек, усиленно играя бёдрами, направлялась напрямик к дальнему столику.

– Мужчина, – позвала она обворожительным хрипловатым баском. – Можно к вам обратиться?..

– Нет, – без выражения произнёс сидящий.

Взгляд его по-прежнему был устремлён в светло-пепельную кирпичную стену магазина. Деваха изумилась, надула губы.

– Ну что ж вы такой бука... – укоризненно начала она, потом всмотрелась, умолкла и, вроде бы даже малость оробев, вернулась к своим. Те поглядели на неё вопросительно. Ответом была пренебрежительная гримаска.

– Во-от... – как ни в чём не бывало продолжил Володька, возвращая Георгия к прерванному разговору. – Битый, значит, час старушки наши митинговали...

Тот сделал над собой усилие и, снова сосредоточась на коньяке с бутербродом, исключил рокового незнакомца из поля зрения. Дальше глазеть не стоило – так и на неприятность недолго нарваться. Надо будет потом у Володьки спросить, что за тип.

– И чего старушки требуют? Правление переизбрать, а ещё?

– Президенту пожаловаться, – невнятно сообщил Володька, закусывая сушёным волоконцем кальмара. – Президент-то у нас – человек! Не из пресмыкающихся. Пока...

– Матёрый человечик, – заверил Георгий. – Только, знаешь, с кем поведёшься...

Беседа их была прервана странными булькающими звуками. Выставив прямую руку за перила, ограждающие бетонный пятачок бара, бритоголовый красавец с неподвижным лицом лил водку наземь.

– Ты что делаешь, мужик? – взвыл кто-то из задорных юношей.

Не услышав вопля, поставил пустую ёмкость на стол, встал, оказавшись не высокого, как соблазнительно было предположить, а всего лишь среднего роста, и двинулся на выход. Походка – твёрдая, будто не половину бутылки, а всю её вылил в грунт.

Хлопнула дверца иномарки жемчужной масти, ухнул запущенный на полные обороты двигатель – и, стреляя крупным гравием из-под колёс, машина сорвалась с места, исчезла в молочных клубах пыли.

– В больничный комплекс поехал, – понимающе заметил Володька. – Там она и лежит, мадам Ягужинская...

– Так это...

– Тёзка твой, – подтвердил Володька. – Жорка Ягужинский – во всей красе... – Всмотрелся в постепенно проясняющуюся от пыли округу, сокрушённо качнул головой.

– Шибанутый... – обиженно пробасила отвергнутая девушка и добавила ещё несколько слов.

Разливное пиво после коньяка, разумеется, верх вульгарности, но две рюмки подряд было бы дороговато, а посидеть ещё хотелось.

– Чем в клумбу выливать, лучше бы нам оставил... – ворчал Володька. – Тоже мне гусар...

Оба дачника, хотя и принадлежали к разным садовым товариществам, жили неподалёку друг от друга. Бар покидали вместе – не прерывая беседы.

– Дачи? – довольно бодро вопрошал тот, что из «Початка». – Дачи для них – так, мелочь. Если они дачами занялись – считай, остальную пойму давно заграбастали. Да и пойма тоже...

– Теперь уже не в этом суть, – печально отвечал ему тот, что из «Культурника».

– А в чём?

– Понимаешь, Володька... Вот мы говорим: иной разум, иная мораль... А в чём она, иная мораль? В чём он, иной разум? Подумаешь так, подумаешь: может, нет никаких чужаков?

Володька внимательно посмотрел на попутчика.

– Говорил тебе: не мешай пиво с коньяком... – упрекнул он. – Как это?

– Нет, физически они, конечно, есть... – вынужден был поправиться Георгий. – Но уничтожаем-то мы себя – сами! А они – так... пользуются результатами...

– погоди, – остановил философа Володька. – Это там не сосед твой бежит?

Действительно, по тесной улочке навстречу им торопливо ковылял Никанор Иванович, то и дело всплёскивая руками и как бы заранее прося прощения. Издали было видно, что отставной технолог чем-то сильно потрясён.

– Жора... – выдохнул он за пять шагов, нелепо приседая и беспомощно разводя испачканные в смазке ладони. – Ну не смог... Не успел... Нога-то после травмы... пока дошкандыбал... он уже...

Защитных очков на Никаноре Ивановиче не было, и такое впечатление, что даже его левый, стеклянный, глаз полон отчаяния.

Георгий и Володька бросились к месту события.

По следам траков хорошо было видно, что бульдозер сначала снёс половину забора Сизовых, потом весь штакетник Георгия вместе с калиткой и развернулся на свежевыложенной дорожке.

– Слышу треск, хруст... – задыхаясь, говорил подоспевший Никанор Иванович. – Выбегаю, а он уж твой забор крушит... Вижу: сейчас до моего дойдёт... Я у него на дороге стал, руки раскинул... Ну, меня-то он давить побоялся...

Последний раз нечто подобное было с Георгием года за два до нынешних времён, когда его – в ту пору уже вдовца – угораздило вдобавок ко всем своим бедам въехать на такси прямо в самую настоящую автокатастрофу. Возникнув из обморока рядом с неподвижным шофёром, он прежде всего подивился прозрачности ветрового стекла (на самом деле никакого стекла не было в помине – вышибло) и лишь потом обратил внимание, что левая рука ниже локтя болтается, как шланг. Ни страха, ни боли не почувствовал, если и взвыл мысленно, то исключительно от досады, представив грядущие расходы и прелести травматологии. Между тем кто-то бегал вокруг машины с криками: «Горит! Горит!» Потом дверцу взломали – и, придерживая раздробленное предплечье, Георгий выбрался наружу. Его отвели на обочину, а он уклонялся от помощи, бормотал: «Я сам, сам...»

И лишь когда усадили на пыльную землю (столкновение произошло за городом), шок кончился – и Георгия буквально опрокинуло навзничь.

Вот и теперь отстранённо, с каким-то даже любопытством он нагнулся, поднял изуродованный траками обломок зеленоватого в прожилках камушка, осмотрел.

– Милицию вызвать... – причитал за левым плечом Никанор Иванович. – В суд его, поганца...

– Кого? – злобно спросил Володька.

– Бульдозериста...

– Костика? Где сядешь, там и слезешь! Что ж они, дурачки – кого попало нанимать? Справка у Костика! Подлечат – выпустят...

Георгий уронил обломок и побрёл по улице, удивляясь собственному равнодушию. Его окликнули. Он не ответил.

На грязновато-медном закате прорисовалась чёрная шипастая нить колючего ограждения. На нижнюю проволоку Георгий наступил, под верхнюю поднырнул. Вскоре за сизовато-серыми песчаными буграми блеснула Волга – покоробленный лист латуни.

Город на горизонте утратил объём, сделался призрачным, плоским. И только силуэты невероятных нечеловеческих конструкций стали, казалось, ещё более чёткими. Неизбежными. Как силуэт Эйфелевой башни над крышами старого Парижа.

Вот тогда и опрокинуло Георгия. Навзничь. Как десять лет назад на обочине.

Был ли кем-то нанят татуированный жилистый придурок с сигаретой на откляченной губе или же порушил заборы, не справясь по пьянке с бульдозером, – какая разница!

Чужаки были виновны во всём.

Справа над песчаной грядой вздувался, очевидно, подсвеченный изнутри, огромный волдырь из неизвестного материала, вскочивший на берегу по их велению. Видимо, что-то вроде жилого купола.

А внизу над тёмным от влаги пляжем бесшумно, как призрак, плыла чёрная глянцевая машина чужих. Вся в бликах, только уже не в белых, а в жёлтых, закатных. Боевой треножник после ампутации. Ближе, ближе...

Будь в руках у Георгия гранатомёт и умей он из него стрелять, не колебался бы ни секунды и рука бы не дрогнула.

Но что ты можешь, гуманитарий хренов?

Взглядом испепелить?

Траурный механизм поравнялся с Георгием и скрылся из виду, заслонённый песчаным гребнем. А в следующий миг там полыхнуло и грохнуло. Как будто кто-то подкрался сзади и

что было сил хлопнул с двух сторон ладонями по ушам. Ахнули, отразившись от воды, мощные отголоски.

Дальше из-за гребня раздался короткий громкий шелест (возможно, скрежет – просто сказала минутная глухота), а чуть погодя – два еле слышных выстрела. Потом ещё два. Должно быть, контрольные.

Георгий по-прежнему стоял неподвижно.

Какое-то время ничего не происходило. Потом зашуршал песок (слух возвращался), и на вершине бугра обрисовалась подсвеченная закатом ладная человеческая фигурка, в которой Георгий незамедлительно узнал своего тезку Жору Ягужинского.

Бритоголовый красавец, пряча на ходу в карман какую-то вещицу (что угодно, только не пистолет), беглым шагом пересёк открытое пространство и сгинул в зарослях.

Солнце стремительно убывало, съживалось в уголёк. Собралось в точку меж двух зданий на горизонте – и исчезло совсем. Остался пыльный очерк города на фоне воспалённого неба.

Преодолев оцепенение и страх, Георгий спрыгнул вниз. Оползая по песчаному склону, спустился к воде.

Скупого освещения как раз хватало на то, чтобы рассмотреть всё в подробностях. Чёрная глянцевая глыба завалилась набок, но в остальном казалась ничуть не повреждённой. Распахнутые боковые дверцы напоминали теперь откиннутые люки. Именно через них каких-нибудь несколько минут назад, конвульсивно извиваясь, выползали наружу застигнутые врасплох пришельцы, пока четыре беспощадных выстрела в упор не прекратили их конвульсий.

На ватных ногах единственный свидетель приблизился к месту преступления вплотную. Простёртых на мокром песке чужаков было двое. Одного из них, плотного, коротко стриженного брюнета, Георгий видел впервые, вторым оказался тот самый господин, с которым они повздорили сегодня утром в баре. А на чёрной лаковой крыше полуопрокинутого джипа слабо мерцала нанесённая краской из баллончика корявая надпись без единого знака препинания:

МОСКВА УРОДЫ ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ ВАС ЗЕМЛИ НЕТ

июль – август 2007, Бакалда

Ира Андронати, Андрей Лазарчук

Аська ⁷

1

День, когда Аська Чебурахина, она же Чебурахина мать, получила свою первую «аську», подписанную простым словом «МЫ», начался безобразно, а кончился так, что лучше бы он вообще не кончался...

После долгой погодной невнятицы на Питер упал настоящий мавританский зной – с белым небом и белым солнцем, с бродящими по улицам пыльными джиннами, с воронами, влипшими в мягкий асфальт, и с несчастными людьми за баранками дорогих автомобилей, которые – автомобили – могли только плестись в сторону загорода в длиннейшей веренице себе подобных со скоростью роста бамбука – ну, если сильно повезёт, то чуть побыстрее. Город, и без того не блиставший чистотой, вдруг опустился, как опускается в дику жару почти каждый северный человек (семейные трусы и мокрый платок на голову): тротуары завалены были обёртками от мороженого и бутылочками из-под напитков, созданных всякими сволочами, чтобы поддерживать жажду, и ещё каким-то мусором, и палой листвой (в июне!), – и иногда пыльные джинны, проходя мимо, поднимали всё это в воздух и долго кружили вокруг себя, с ленивым любопытством рассматривая.

Оставалось утешаться одним: остальным ещё хуже. Лондон, например, затопило. Лос-Анджелес в кольце лесных пожаров. Кейптаун завален снегом по самое «не могу». И так далее.

* * *

Как это вошло в обычай уже много лет назад, город оказался совершенно не готов к перемене погоды. Летом ведь положено готовиться к зиме? Вот к зиме и готовились.

В первый же день зноя начались перебои с электричеством, потому что те, кто мог, включили на полную мощность кондиционеры. А на третий день к вечеру Васильевский, Петроградку, Охту – да и всё правобережье – накрыло настоящим блэкаутом, даже поезда метро остановились на полтора часа. Это, конечно, было настоящее ЧП, тем более что и начальство, и народ по привычке боялись терактов. Тётя Валя извинялась по телевизору перед подвластным населением, кого-то из своих стыдила, кого-то порывалась повесить, сам Чубайс прилетел в голубом вертолёте с перекрещенными молниями на фюзеляже – в общем, людям нашлось чем заняться.

Равно как и Аське: она чудом выскочила из метро за минуту до конца света и, поразмышляв ночью на тему «надо что-то делать», рано утром пошла в гараж – выкатывать свой «москвич». Четыреста двенадцатый.

Да, Аська ездила на «москвиче». Тем, кто понимает, что это такое – молодая женщина на «москвиче», – ничего больше можно не объяснять. Они и так проникнутся уважением. А тем, кто не понимает, всё равно ничего не объяснить. «Москвич» – это стихия. Это надо почувствовать самому.

Например, как он закипает, постояв десять минут на жаре с работающим движком...

⁷ Взаимосвязан с рассказом Евгения Лукина «Доброе-доброе имя». См. сборник «Спасти Чужого».

Но Аська не собиралась терять время в пробках. У неё был проложен хитрый маршрут с немалым числом дворов и переулков и с рискованным проездом под «кирпич», зато без малейшего шанса застрять. Сорок пять минут в один конец.

Почему она не ездила так всегда? А потому что на метро получалось в полтора раза быстрее и вдвое дешевле. Аська же была человек практичный.

Так ей казалось.

Ибо все знакомые её твёрдо знали, что нет на свете существа более нелепого и непригодного.

Рассмотрим внимательнее.

Общественный статус: офисный хомячок. Контент-редактор сайта (это официально; а на самом деле – делает всё, что умеет, а умеет многое, кроме как отказываться от заданий начальства, а потому регулярно пашет за капризных программёров) не самого большого и не самого раскрученного интернет-магазина. Косметика-парфюмерия-бижутерия-фит-нес. А ведь когда-то начинала как хороший репортёр, ей прочили блестящее профессиональное будущее.

Не срослось. Сломалось и не срослось.

Да и на нынешнем своём месте могла бы получать вдвое больше. Не умеет добиваться, не умеет показать свою незаменимость.

Далее: семейное положение. Солидная замужняя дама, мать шестилетнего сына. Вся загвоздка в том, что не представляет себе, где он шляется, этот так называемый муж. В глаза не видела уже больше года. Время от времени (раз месяца в три) названивает откуда-то, говорит, что дела его блестящи и вот-вот начнётся новая настоящая жизнь. После чего всё продолжается своим чередом. А Бу – это сокращённо от Чебурах – уже осенью в школу. И что нас там ждёт... Дело в том, что Бу не любит разговаривать. Умеет – равно как и читать и писать, – но вот не любит, и всё. И никак его не сбороть. Трёх психологов увезла неотложка...

Наконец, внешность. Единственная заметная черта Аськи – это сложноторчащие в разные стороны рыжие кудри. Любимая одежда летнего сезона – маечка-футболочка-топик на голое тело (а как иначе? – размер бюста минус первый, лифчиков таких не делают) и бесформенные «штаны с много карманов». Косметику-парфюмерию-бижутерию-фитнес Аська ненавидит всеми печёнками. Вернее сказать, не абстрактно ненавидит, а применительно к себе. Ненавидела бы абстрактно – давно бы пошла искать другое место работы. Пока же – нет.

Да и Аськин «москвич» – настоящей соловой масти. Других таких в мире не существует.

Чего она не учла – так это ремонта дорог. Город опять спешно латал прорехи. Два раза пришлось пускаться в объезд, и вместо положенных девяти она прибыла на рабочее место в девять тридцать. Что ещё хорошо было в Аськиной службе – так это либерализм начальства. На опоздания и ранние уходы смотрели сквозь пальцы – было бы дело сделано. Удавалось даже брать работу на дом и отправлять результаты по сети. Этот вариант не слишком приветствовался, поскольку в головах у старших менеджеров сидели понадёрганные из учебников и плохо усвоенные слоганы типа «Мы – команда!» – тем не менее, если попросить, могли позволить.

Только надо было попасть под хорошее настроение начальства.

Именно это Аська и намеревалась сделать. Чем мотаться через полгорода по такой жаре...

Когда она вошла, то оказалось, что никто ещё не работает, а все живо обсуждают вчерашнее. Сеть лежала мёртво. Сисадмин Женя, красный и злой, пытался высечь искру. К нему подходили, осторожно заглядывали через плечо, исчезали на цыпочках. Шаман под горячую руку мог и убить.

Плюхнув брезентовую сумку под стол, Аська отправилась умываться, а на обратном пути под села к Гуле, лучшей своей подруге по работе (да и вообще), девушке ориентальных кровей, черноволосой, полногрудой и толстопопой, при этом с талией пятьдесят шесть (Аська сама меряла). Гуля играла с компьютером в покер на раздевание.

– Что, мать? – не отрывая взгляда от дисплея, спросила Гуля. – Грустно?

– Чего? – удивилась Аська.

Гуля щёлкнула «мышкой». На белокуром красавце остались только кожаные стринги и один носок.

– Ё! – сказала Гуля, откинувшись на стуле. – Так ты ещё не знаешь...

– Нас всех увольняют?

– А? Нет. Не до такой степени. Но ты готовься. Презики есть или дать?

– Да за что?

– А вот он уже идёт, он тебе всё расскажет...

И нажала F6. Покер свернулся в трей.

По проходу надвигался Грозный, он же Вик-Тим – шеф информационного отдела, непосредственный Аськин начальник.

– А, – сказал Вик-Тим, еле шевеля губами – как будто разговаривать с Аськой он мог, только преодолевая чудовищную брезгливость. – Ну пошли.

И двинулся дальше, к своей выгородке, ведя понурую и во всём виноватую Аську на невидимой колючей верёвке.

Она шла и никак не могла понять, за что же ей предстоит выволочка. Она всё всегда делала как положено!..

– Твоя работа?

На дисплее была действительно её работа. Та, которую она закончила и сдала буквально вчера. Обновлённая база данных по всем товарным позициям склада с наконец-то нормально работающим поисковиком.

– Да, Виктор Тимофеевич...

– И какого чёрта?

Она посмотрела. Потом попыталась запустить поиск.

Н-да...

Быть этого не могло, но вот – было.

– Не понимаю... вчера же всё работало...

– А нужно, чтоб – сегодня! – тихо рявкнул Грозный.

– Ой, – сказала Аська. – Есть же бэкап! Там всё должно быть нормально! Я сейчас!

Она убежала к своему рабочему месту, пнула комп по клавише включения, замерла в ожидании. Комп защёлкал, зашелестел – и вдруг взвыл винчестером, взвыл так, как никогда не был раньше, дисплей оставался чёрным, и Аська с отчаянием поняла, что никакого бэкапа у неё нет.

– Жёсткий диск – не средство для хранения информации, – назидательно сказал шаман.

Аська хотела его убить, переехать «москвичом» – однако передумала. В конце концов, шаману тоже сегодня досталось. И тоже совсем не по его вине.

От Грозного Аська много нового узнала о своей необязательности и о легкомысленном устройстве мозга, о вычетах из её, Аськиной, зарплаты за каждую жалобу клиента и о том, какое это счастье – работать в коллективе единомышленников и какое несчастье в нём не работать...

– Значит, так, Чубуракина! – (и Аська не стала его поправлять) сказал Вик-Тим. – Чтобы к вечеру кровь из носу...

* * *

Но тут воскресла сеть.

Как всякая уважающая себя интернет-компания, «Шарм» – вот мы и добрались наконец до названия – для внутренней жизни использовал сетевые технологии: прежде всего электронную переписку через корпоративный сервер (это он упал утром) и знаменитую «аську», интернет-пейджер ICQ, позволяющий обмениваться короткими записочками хоть со всем миром. Кое-кто именно так и делал, начальство мирилось. Обойтись без «аськи» было трудно, контролировать её – геморройно, так почему бы не позволить хомячкам в фоновом режиме поразвлекаться?

Это тоже была рекомендация из учебника.

Воскрешение сети ознаменовалось звуком почтовых рожков, сигнализирующих о поступлении новой почты, и многочисленными «ку-ку» посыпавшихся «асек».

Ближайшее «ку-ку» донеслось из компа Грозного. Он бросил взгляд на экран и, не желая отвлекаться, собрался было продолжить черновую драчёвую отделку Аськи, но вдруг нахмурился.

Вернулся взглядом к монитору.

Привстал, снова сел. Задумался.

Сунул между зубами ноготь, громко клацнул. Застыл – и в стылой позе сидел долго. Потом неожиданно увидел Аську.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.